

*Вокруг Парижа
с Борисом
Носиком*

Том I

АВТОРСКИЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ

Борис Михайлович Носик

Вокруг Парижа с Борисом Носиком. Том 1

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3262145

Вокруг Парижа с Борисом Носиком. В 2 т. Т. 1 / Б. Носик.: Эксмо; Москва; 2012

ISBN 978-5-699-52575-1

Аннотация

Известный писатель и переводчик, автор знаменитых «Прогулок по Парижу» Борис Носик на сей раз приглашает вас в путешествие вокруг Парижа – по сказочному Французскому Острову (Ile de France), истинному «острову сокровищ». У каждого из этих крошечных живописных городков и местечек, кольцом обступивших Париж (Фонтенебло, Барбизон, Рамбуйе, Сен-Женевьев-де-Буа, Версаль, Марли...), свой неповторимый шарм, свои многовековые тайны, не только французские, но и русские. Эта «историко-культуроведческая прогулка» рассчитана на широкий круг читателей.

Содержание

Остров, к которому мы причалили	4
Могучий Венсенский замок	7
На север!	11
Усыпальница королей в «Красной столице»	11
Путешествие в Шантийи	16
Монморанси	25
Романтический Санлис и лесные дороги	33
От Санлиса через Компьень – в гости к Дюма и Расину	42
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Борис Носик

Вокруг Парижа с Борисом Носиком. В 2 т. Т. 1

«Сталин помог Гитлеру начать войну против коалиции западных держав (Англия, Франция и их союзники), для того чтобы начавшаяся истребительная война разорила Европу, по пепелищу которой армиям Сталина предстояло пройти триумфальным маршем».

Остров, к которому мы причалили

С юных лет я любил бродить по островам и, грех жаловаться, посетил их немало (все же меньше, чем мечталось). Все путешествия (даже неудачные) незабываемы – от поездки на Хачин, что посреди Селигера, до путешествий на малайский Панкор, на Джербу, Тенерифе, Мэн, остров Беринга, Олерон, Белый, Диксон, Майорку, Крит, Сардинию, Суматру, Сицилию, Колгуев, Делос, Кипр...

И вот мы отправляемся с вами на Французский Остров... Что за название такое «Французский Остров» и где он лежит, в каком океане? Что за волны плещут у его берегов? Понятно, что волны Франции и Европы, но все же... Это что – официальное географическое название? Конечно, официальное, и притом вполне точное. Но, конечно, и поэтическое название тоже. Полагают, что впервые оно появилось в XIV веке у летописца и поэта Жана Фруассара, а называют Французским Островом центральную часть Парижского бассейна: от Парижа километров на 80–100 в окружности. И впрямь нечто вроде твердого острова, намытого былым морем, покрывавшим некогда всю низину. Остров, омываемый здешними реками – Сеной, Уазой, Марной, Урком, их множество то лениво плещет, то интимно журчит вокруг Острова.

Поэтическое это название оказалось очень точным. Уже много столетий оно приводит в восторг и географов и поэтов. «Что это за остров? или островок? – восклицал три четверти века назад завсегдатай «Клозри де Лиля», парижский «король поэтов» Поль Фор. – Какие глубокие воды и волны подступают к этой земле в отдалении от всех миров?... Границей вод над тростниками тянется лента туманов... О ты, граничащий с Марной и Сеной, Уазой и Тэвом, Бёвроном и Луэном, ты воистину остров! Но может, ты остров мечты? Нет, ты и впрямь остров, остров тонких оттенков, своеобразная ограда, в которой дремлет, мечтая, Франция...»

Другой французский поэт (Валери) встревоженно и интимно перекликался с бесценным островом:

Остров с тысячью лиц,
сокровище, безгласно ты или громогласно —
это уж от того зависит, промолчу ли я
или выскажусь...

На счастье, у острова этого не только тысяча лиц, но и тысяча голосов. А сокровища Французского Острова несметны. Настоящий Остров сокровищ: сокровища природы, произведений искусства, создания интеллекта и рук человеческих, памятники истории, отзвуки человеческих судеб... Ибо острову этому суждено было стать ядром Франции, колыбе-

лью французской монархии, городом, объединившим страну, городом религиозных святынь, соборов и монастырей, родиной поэтов и мыслителей. История сделала свой единственный выбор – силы притяжения потянулись не к великолепным Орлеану или Отёну, а к маленькому, зачуханному Парижу. Но Остров не исчез, не растворился, не затерялся в толчее Парижа. Он сохранил свое лицо, он отстоял свою непохожесть, которую подпитывали соседи – Бургундия, Нормандия, Шампань... А где они нынче, здешние паризии, здешние франки, где все эти страны, о которых еще помнят, – Валуа, Гатинэ, Вексен, Мантуа, Юрпуа, Бос... О них порой напоминают названия здешних деревень (Руасси-ан-Франс, Кормей-ан-Паризи...). А то вдруг какой-нибудь старый крестьянин из Бри, перебираясь на правый берег Сены, заявляет, что он ненадолго, до обеда, съездит во Францию. Или какая-нибудь бабуса в Лаоне, отворачиваясь от южного ветра, жалуется, что нынче дует из Франции... А ведь она даже раньше, чем «затерялась Русь в мордве и чуди», шагнула вширь, страна Франция...

Конечно, историки спорят и о датах образования Острова, и о его границах. Историк Марк Блох, который в публикации 1913 года сообщил, что он отыскал название Острова в хрониках Фруассара, упомянул, что оно отнесено там уже к 1387 году. Другие историки нашли такое же упоминание в королевском акте, выданном знаменитому соратнику Жанны д'Арк Лаиру в 1433 году (там сказано: «...в странах Иль-де-Франс, Пикардия, Бовэ...»). Но еще и во времена Людовика XIII к собственно Острову причисляли лишь страны Валуа, Мантуа, Юрпуа, Французский Бри и Французский Гатинэ... На севере границы Острова проводят по болотам и лесным речкам – то по Тэву, то по Нонетте, то в лесу близ Руайомона, то северней Санлиса, в лесу Алат...

От далеких времен сохранил Французский Остров соборы и аббатства, картины, замки, города и деревни, виллы художников, дома, где писали стихи и сочиняли музыку, где рождались и умирали те, кто составили славу Франции. Сохранил романтические дворцы, стены которых помнят звуки шагов прекрасных женщин, крики страсти, любви, муки и ненависти...

Здесь получили развитие или даже были рождены стили архитектуры, которые называли французскими и королевскими. Здесь рождались города и городская архитектура. Здесь стоят над гладью прудов и рокотом каскадов, над выверенными коврами французских садов и лабиринтами парковых дорожек прекрасные замки, творения лучших зодчих Франции (туристу не обязательно мчаться к ним за сотни километров на Луару). Здесь выдерживали лучшие сыры и вина. Здесь вызревали французские вкусы... Здесь могилы французских королей и многих знаменитых людей Франции. Есть и русские могилы (не только в Сент-Женевьев-де-Буа, но и в Бийанкуре, и в Монморанси, и в Иври), потому что на Острове жили русские изгнанники «первой волны» русской эмиграции (островное жилье было дешевле парижского).

Конечно, впервые приехавшему в Париж хочется прежде всего насмотреться на знаменитый Город-Светоч. Парижа может хватить на месяцы и годы. Но через несколько дней в рассуждениях утомленного городом энтузиаста появляются элегические ноты. Он вдруг заявляет, что хочет увидеть Францию. Потому что Париж – это еще не вся Франция. И как писал кто-то, Париж – это не Франция, это особый мир (кто-то писал и о том, что Нью-Йорк не Америка, а Москва еще не Россия, что ж, в этом немало справедливого). А он, приезжий, хочет погрузиться во французскую глубинку, постоять рядом с удильщиком на берегу, пообедать в деревенском ресторане, посидеть с кружкой пива среди «простых французов». Он хочет подышать духом провинции. Ему надоела толпа «бывших провинциалов», вообразивших себя столичными жителями...

Вот тут на помощь и приходит Французский Остров, где есть и «глубинка», и глушь (в полчасе езды от Парижа), и чудесные замки, и потрясающие музеи, и фермы, и запах конюшни, и королевские парки, и холмы, и речушки, и цветущие поля рапса и подсолнухов,

и пшеница, пшеница, пшеница... Мягкие очертания сладостных пейзажей Иль-де-Франс воспеты французской поэзией, а также куда более известной и влиятельной французской пейзажной живописью.

И любители провинции и глубинки (я лично из их числа) ловят не меньший кайф, чем на площади Согласия, на площади какого-нибудь крошечного французского городка (с полтысячей душ населения), стоя у старой кирпичной мэрии, среди моря цветов, в кругу искусно обстриженных каштанов. Или у портала средневековой церкви. Или под стенами старинного замка, от которых ручьями сбегают вниз узкие улочки, застроенные старыми, элегантными деревенскими домами. Над цветущими садами, где зреют фрукты и жужжат пчелы...

На все четыре стороны уходят от Парижа дороги. От «национальных» же госдорог (безликих автострад мы вообще избежим, конечно) веером расходятся департаментские шоссе, а в сухую погоду доступны и лесные, и проселочные дороги, которые тут отнюдь не плохи... И каждая дорога (как и каждая станция железной дороги с ее мирным буфетом) припасла свои тайны и свои сокровища, потому что он и вправду Остров Сокровищ, этот Французский Остров, Остров Франции, Ile-de-France...

Что ж, если вы решились двинуться в странствие по знаменитому этому острову Иль-де-Франс, выберите себе сами направление, а из нашего списка в конце книги выберите и потом найдите на какой-нибудь хорошей, подробной карте и города, и деревни, и замки. А мы уж постараемся быть вам полезными и любезными собеседниками в дороге – о чем еще мечтать автору?

Начать я полагал с поездки на север, а потом на восток (все ведь мы чуток северяне и чуток евразийцы), но всегда можно переиграть очередность. Что же до ближних пригородов Парижа (туда нынче без труда домчишь на метро и в автобусах), то с ними немало связано русских, эмигрантских воспоминаний: здесь следы Цветаевой, Бердяева, Ходасевича, Мечникова, Карсавиных... Здесь возникали малоизвестные тогдашним французам, да и тогдашней России тоже, «мозговые центры» эмиграции, а порой – и шпионские центры. Здесь жили эмигрантские герои, гении, мученики... Но и злодеи тоже... И еще одно предлагаю для начала – съездить в один замечательный старый замок, который стоит в юго-восточном парижском пригороде, потому что с него не одно только наше странствие начаться может, но и любое погружение в глубины французской истории, ремесел, искусств, любовей...

Могучий Венсенский замок

Эта великолепная устрашающая крепость на ближайших восточных подступах к столице Французского Острова, так похожая, по меткому наблюдению Мишле, на боевой английский замок, увы, не пользуется любовью могучей здешней индустрии туризма, как все коммерческие организации желающей сделать цену своих услуг весомой, – иначе и клиент уважать не будет. А Венсенский замок... что ж, сел в поезд метро первой линии – и ты уже здесь, затраты минимальные (разве что в замке заставят взять гида)...

Ну а нам с вами что до конторы туризма? Мы свободные люди. Мы поедем в Венсен. Доедем на метро, а от станции пешочком...

Уже на подходе к этой гигантской квадратной крепости, с ее оборонительными стенами и рвом, с ее девятью неприступными высоченными башнями, мы почувствуем веяние истории, ощутим запах пороха, трепет битвы, неизбежное чувство беды, угрозу неволи (тут ведь и тюрьма была тоже)...

Но отчего же все-таки не в Венсен везут вас туристские гиды, если здесь такой жуткой и подлинной красоты высится замок? Если здесь это странное и влекущее сочетание грозной крепости с парадным двором XVII века, с итальянскими портиками? Если так подолгу и так часто жили здесь короли, пировали, справляли свадьбы (и Филипп III, и Филипп Красивый и прочие), если здесь умирали они, отбывая, скорей всего, в ад, – и Людовик X, и Филипп V, и Карл V, и три последних «проклятых короля» из династии Капетингов, и бедняжка Жанна Наваррская (которая тут праздновала свадьбу с Филиппом IV, имея от роду одиннадцать лет, – берегите дочек, им и нынче страшно в Париже)... Да и Карл IX (один из виновников Варфоломеевской ночи) умер здесь, терзаемый видениями кровопролития, и Генрих III, и воистину всемогущий Мазарини (даром, что ли, суеверный монарх Миттеран назвал его именем любимую внебрачную дочь), и английский король... А Людовику XV прадед его, умирая, завещал немедленно удалиться из Версаля в Венсен ради одного только здоровья, потому что место в Венсене здоровое и воздух там целительный, чистый (точнее, был чистым). И правнук послушался, высидел в этой глуши целых десять недель – кто ж больше высидит, стосковавшись по суете и вонь версальского муравейника?

Впрочем, до конца Старого режима (до революции 1789 года) еще далеко, не будем забегать вперед и наспех прокручивать пленку (даже ту торопливую, видеозвуковую, что демонстрируют терпеливым туристам в донжоне здешнего замка). Вернемся в IX век, когда Венсен стал собственностью французской короны, а здешний лес – любимым охотничьим угольем королей.

Людовик VII построил на том самом месте, где нынче замок, охотничий дом, и короли зачастили сюда. Но не Людовик VII вспоминается нам, никогда не зубрившим наизусть здешние хронологические таблицы, а Людовик IX, тот, что был прозван Святым. Благотворитель монастырей, строивший не дворцы с балльными залами, а бенедиктинские обители и великие кафедральные соборы во славу Божию, ставшие средоточием городской культуры, того, что называют «искусством Франции» и «искусством королей». Король Людовик Святой, который уже и двадцатилетним призывал к аскетизму и хотел стать францисканцем, а позже обрел и богатство, и великий престиж в целой Европе.

Самые прилежные из здешних школьников помнят рассказ Жуанвиля о том, как, сидя под дубом в Венсене, Людовик Святой сам творил правосудие. Он не считал свою власть просто земной, он и себя называл человеком церковным... Как же нам, добравшись сюда, не прислушаться к шелесту венсенских дубов?

Людовик IX воздвиг здесь Святую часовню (Sainte-Chapelle), наподобие тех, что были построены в Париже и тогдашней слободе Сен-Жермен. Сюда должны были перенести одну из игл с тернового Венца Христова (на дворе еще только 1239 год)...

В нынешний могучий замок, напомнивший Мишле своим обликом английские замки, превратили Венсен короли династии Валуа. Первый же из них (он звался Филиппом VI) в 1334 году начал строить главную башню, донжон, и при жизни (он умер в 1350 году) успел только заложить ее фундамент. А тут некстати – Столетняя война, опустошившая казну. Но в 1361 году король Иоанн II Добрый все же продолжил работы, а закончил строительство башни Карл V, который перевез сюда библиотеку и переправил часть казны. При Карле V была построена и квадратная оборонительная стена с башнями. Теперь, как сообщает старинная хроника, здесь могли поселиться королевские «избранники», но они не спешили переселяться, и ограда все пустовала. Карл V разобрал Святую часовню Людовика IX и заложил первый камень в фундамент новой Святой часовни.

Потом замок попал в руки заклятых друзей – англичан, и на постели Карла V умер в 1422 году от дизентерии их король Генрих V (чем было закрепить желудок в 1422 году?). Через десять лет англичан выгнали, и Карл VII стал приводить замок в порядок. Ему здесь нравилось. Он первым возвел очередную любовницу (Даму Красоты) в ранг официальной «фаворитки» и поселил ее поблизости – на Марне, в Ножане, в Городе Красоты, в Замке Красоты. И не узнаешь, была ли она красива, ведь преувеличение различий между дамами – это и есть Любовь. Звали ее Агнеса Сорель, с нее и пошла эта высочайшая должность официальной любовницы короля при французском дворе, столь высоко ныне оцениваемая историками-феминистами. Всему начало в Венсене...

Людовик XI, не слишком любивший Венсен, все же строил тут что-то, а Франциск I привлекал к работам самого Приматиче. Он, кстати, достроил и Святую часовню, освящать которую довелось уже не ему, а Генриху II (в 1552 году). Понятно, что при Генрихе II и Дама Красоты объявилась в Городе Красоты новая – Диана де Пуатье.

Но вот роковая перемена венсенской судьбы: короли охладели к чудному Венсенскому лесу и Венсенскому замку. Они предпочитали теперь Фонтенбло, Сен-Жермен-ан-Лэ или дальние замки Луары. Замок Венсен становится тюрьмой для «высокопочтимых гостей». Короли наезжают сюда редко, а выдающихся узников держат в донжоне. Екатерина Медичи упекла сюда Генриха Наваррского (будущего «доброго короля» Генриха IV), а во времена Фронды отдавали венсенской тюремной баланды герцог Бофор (сумевший, впрочем, бежать отсюда в 1648 году), кардинал Ретц, герцог Лонгвиль и его брат, принц Конти, – всё, как видите, чистая публика.

При Людовике XIV сюда упрятали беднягу Фуке, колдунью Вуазен (по делу об отравлении), в 1695 году – основательницу «квиеизма» мадам Гийон, а в 1707-м – янсенистов.

При Людовике XIV Венсен становится, как выразился Вольтер, «приютом отчаянья». Кребийон-сын был заключен в тюрьму в 1734 году, Дидро за свое «Письмо о слепых в назидание зрячим» – в 1749-м (здесь его и навестил Руссо, как раз в ту пору, когда он нашел для себя ответ на вопрос Дижонской академии о том, «способствовало ли возрождение наук и искусств улучшению нравов»). Латюд дважды бежал из этого несовершенного учреждения – в 1750 и в 1765 годах, а маркиз де Сад пребывал в этих стенах в 1777-м по соседству с Мирабо, который отсидел три года за участие в дуэли и провел время с пользой, сочинив здесь памфлет и «Письма к Софии».

В 1848 году сюда привезли сразу много врагов Второй империи (среди них были Барбес и Бланки), а в 1871 году у северной части крепостного рва было расстроено девять коммунаров. Убивать их было, конечно, недостойно, хотя нетрудно себе представить, сколько бы они передушили народу, возьми они власть в свои руки...

Покончив с тюремной историей замка, вернемся в XVI век, когда главная башня замка утратила привлекательность в качестве королевской резиденции и стала тюрьмой. Екатерина Медичи достроила два крыла замка и начала строительство двора. Будущий Людовик XIII жил здесь, пока был наследником, и, продолжая строительство, воздвиг Дом Короля и Дом Королевы. Строительство велось под наблюдением Ле Во и под руководством Мазарини. Цель его была разумной – обеспечить на случай беспорядков убежище для хранения казны и сокровищ. Интерьер замка был пышно изукрашен под присмотром художника и царедворца Филиппа де Шампёна, чтобы подготовить покои к возвращению короля Людовика XIV и Марии-Терезии после свадебной церемонии на острове Фезан (1660 год).

Надо сказать, что при жившем в Версале Людовике XV Венсену находили все же не одно пенитенциарное применение. В 1738 году в Дьявольской башне замка водворились мастера из Шантийи. Тут они и научились изготавливать из полученной ими мягкой пластичной массы изделия, которые получили название «венсенский фарфор». Только в 1756 году эта мастерская была переведена в Севр, где составила основу поныне знаменитого производства. В 1743 году в Венсене была создана кадетская школа, прообраз нынешней Военной школы. Людовик XVI хотел продать этот «ни к чему не пригодный замок», но жильцы, которых к тому времени в замке обосновалось немало, решительно восстали против этой королевской затеи. И вообще время подошло не для мирных торговых операций, а для кровопролития и пропагандистских воплей. В 1791 году труженики из предместья Сент-Антуан пришли громить донжон замка, «символ деспотизма». Славу Богу, подоспел Лафайет, разогнавший толпу.

Революция, на счастье Франции, лютовала недолго. Подошла Империя. Французы нашли себе душу военного, прибравшего власть к рукам. Генерал Бонапарт увидел в Венсене прежде всего объект военно-оборонительный. Замок стал арсеналом и крепостью. Все башни, кроме Деревенской, «подстригли» под высоту куртин. В донжон продолжали привозить узников – на сей раз кардиналов, сохранивших верность папе римскому Пию VII. Начиная с 1840 года крепость понемногу превратили в оборонительный форт: засыпали ров, построили казематы, замуровали бойницы. Разломали старые здания, те, что воздвигли еще до XIV века, а заодно и северный портик, соединявший Дом Короля и Дом Королевы. На их месте построили какие-то военные бараки. Донжон превратили в склад оружия, в часовне наставили перегородок, а в королевских павильонах устроили казармы: республиканской Франции было в ту пору начхать на «проклятое прошлое». В Старом Форте был устроен пехотный музей. Вообще генерал Бонапарт и его последователи обходились с историческим замком вполне по-солдафонски. Наполеон вписал новую страницу и в историю здешней тюрьмы. В 1804 году на германской территории (напротив Страсбурга) наполеоновскими лазутчиками был похищен герцог Энгиенский, заподозренный в каком-то антибонапартистском заговоре. Привезенного в Венсен герцога скороспешно судили в ту же ночь (на 21 марта 1804 года) и, ни в чем толком не разобравшись, расстреляли под утро у подножия башни Королевы. Герцога сбросили в ров, откуда его останки были извлечены лишь Людовиком XVIII и перенесены в часовню. Если нужны доказательства того, что любимый герой романтической поэзии Наполеон замарал руки кровью, Венсен готов представить такие доказательства¹.

В сороковые годы XIX века в Венсене появился герцог Монпансье, пятый сын короля Луи-Филиппа. Он жил в Доме Королевы и числился комендантом военного форта. Надо отдать ему должное: он не позволил разломать Святую часовню.

С середины 50-х и почти до конца 60-х годов Виоле-ле-Дюк и его ученик де Бодо вели в замке кое-какие восстановительные работы. Но настоящему сдвигу общественного мнения

¹ Конечно, это не идет в сравнение с личной сталинской подписью под 40 000 смертных приговоров, но все же...

в защиту замка способствовала широкая кампания в прессе, возглавленная Андре Юрте в 30-е годы XX века. Французы потребовали убрать из замка военных. В 1934 году в донжоне открылся исторический музей.

Во время немецкой оккупации, когда весь Париж танцевал, в Венсене было страшно. 10 августа 1944 года (самый конец оккупации) в крепости и во рву было расстреляно три десятка заложников. А вечером 24 августа немцы взорвали часть казематов и Дом Короля. В Доме Королевы начался пожар. Разрушения были значительны, но зато обнаружилась скрытая поздними постройками Триумфальная арка Ле Во.

Реставрационные работы начались сразу после окончания Второй мировой войны, и ныне Венсенский замок являет туристу и громаду Деревенской башни, и донжон, и постройки XVII века, и Малый замок – весь этот удивительный, словно забредший сюда с Британских островов боевой комплекс-дворец.

Интерьер воскрешает шаг за шагом историю Старого режима, Империи... Здесь комнаты королей и королев, королевских детей, маршалов – картины, панорамы, мебель, документы. Здесь Святая часовня с творениями мастеров – от XVI века и позже... Из Святой часовни вы переходите в королевскую резиденцию XVII века (построенную Ле Во), а потом в Дом Короля и в Дом Королевы, на эспланаду, во Двор Почета, во Двор Маршалов, на осмотр башен, и еще, и еще...

Решив погрузиться в историю Французского Острова, можно начинать с Венсенского замка...

На север!

Усыпальница королей в «Красной столице»

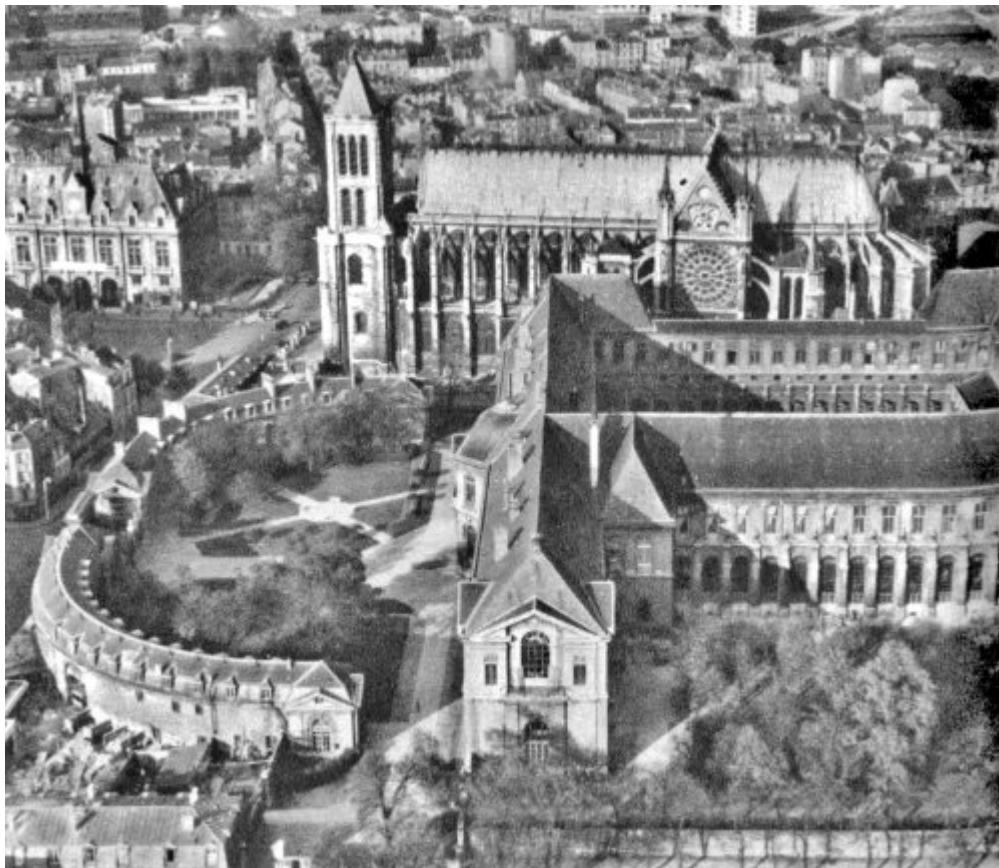
Собор Сен-Дени на древней дороге Новые хлопоты и новые соблазны • Варварство великой революции.

О близости Сен-Дени, его знаменитого аббатства и знаменитого собора, что всего в каких-нибудь девяти километрах от парижского собора Нотр-Дам де Пари, напоминает уже и в самом центре Парижа бывшая королевская дорога к Сен-Дени, пролежавшая по нынешней улице Сен-Дени, под аркой Сен-Дени, что на Больших бульварах, и дальше по тесной, полной всяческой средиземноморской еды улице Слободы Сен-Дени, Фобур Сен-Дени... По этой улице короли Франции ехали на богомолье. По этой улице их увозили на последнюю прогулку по Франции – к месту упокоения. Но уже и со времен последнего французского короля немало воды утекло, а мы, пожалуй, начнем с последних событий, происходивших в Сен-Дени. Я имею в виду не волнующие мир футбольные страсти на Стадионе Франции (он в Сен-Дени) и даже не бурные демонстрации школьных учителей и школьников, а замечательную находку, которую сделали недавно археологи близ усыпальницы королей собора Сен-Дени.

Начну с того, что здешняя пресса называет «скандалом в Клошмерле» (по названию романа и одноименного фильма, настолько лихо в годы моей юности дублированного на русский, что он дал моим сверстникам завышенное представление о возможностях французского юмора). Мэр города Сен-Дени (нынче это индустриальный, многонациональный город со сотысячным населением) коммунист-«перестройщик» Патрик Брауэзек решил приступить к ликвидации старой решетки у собора Сен-Дени, чтоб усовершенствовать свой город. Отдел министерства культуры, ведающий культнаследием, сказал: ни за что. Мэр пригрозил, что тогда он не построит для народа Большой стадион. В конце концов особая комиссия после многолетних трудов уладила спор, доказав, что Дебре, воздвигший в прошлом веке решетку, был худшим архитектором в истории Франции. В общем, стали ломать, копать (чего только и ждали археологи, ибо там внизу могли оказаться целые некрополи меровингских и каролингских времен) и нашли – розу. Нашли скульптурные элементы розы, украшавшей северный портал базилики Сен-Дени еще в XIII веке. То есть нашли остатки того самого фигурного круглого окна, разделенного скульптурными и витражными лепестками, влияние которого можно обнаружить в чудесных розах более поздних французских соборов. Ведь здешняя роза шла из XIII века... Конечно, и о розах, и о соборах, и о базилике Сен-Дени людьми знающими написаны тысячи страниц, и не здесь мне их пересказывать. Но обратиться к некоторым преданиям старины мы с вами просто обязаны.

Начнем с Сен-Дени, со святого Дени, а может, Дениса, который, согласно сообщенному в VI веке Григорием Турским преданию, был одним из тех семи миссионеров-епископов, что пришли в эти места из Италии, чтобы принести язычникам-галлам христианскую веру. Святой Дени и стал одним из первых здешних христианских мучеников: по приказу императора Валериана он был обезглавлен на Монмартре в 258 году, но не упал, а пошел прочь из города, к северу, неся перед собой отрубленную голову, и только в тогдашнем Католакусе (в нынешнем Сен-Дени) упал и был похоронен в восточной части этого города, рядом с двумя другими мучениками за веру. Как вы помните, в начале IV века, при Константине, гонения на христиан затихли, над могилой была воздвигнута церковь, ставшая к VI веку центром аббатства, а после того, как король Дагобер пожелал быть захороненным здесь, место

это стало некрополем французских королей, покой которых не могут более потревожить ни демонстрации школьников и нелегальных иммигрантов, столь нередкие в Сен-Дени, ни крики «Судью на мыло!» на всех языках планеты, оглашающие ныне окрестности Большого стадиона, ни даже демонстрации ненависти к еще не обрезанным французам, проводимые на поле и трибунах того же стадиона легальными, а также еще нелегальными (но уже давно обрезанными) жителями предместий.

КОЛЫБЕЛЬ ФРАНЦУЗСКОЙ МОНАРХИИ И ФРАНЦУЗСКОГО ОСТРОВА, НЕКРОПОЛЬ КОРОЛЕЙ – СОБОР В СЕН-ДЕНИ

Фото Б. Гесселя

Впрочем, вернемся к истокам. Аббатство Сен-Дени пережило неожиданный взлет при аббате Сюжере, реконструировавшем церковь: это был год 1122.

Позднее городок Сен-Дени не только пережил много бед из-за своего положения на подступах к Парижу (враги бесконечно осаждали Париж, а сидели-то они при этом в Сен-Дени), но также извлек из этого положения немало экономических выгод. При Людовике XV украшалась и благоустраивалась не только дорога от Лувра до Сен-Дени, но и дорога от Версаля до Сен-Дени: король был здесь частым гостем, так как его дочь Луиза стала настоятельницей монастыря кармелиток в Сен-Дени. Самым трагическим временем для этой национальной святыни Франции были, конечно, годы Французской революции, по официальной терминологии – Великой французской революции. Само древнее название города полагалось забыть навечно, ибо город был переименован в Франсиад.

Всякий, кто знаком с историей Октябрьской революции 1917 года, которую нередко называют здесь дочерью Французской революции, без труда догадается, что бесценные захоронения королей и сама базилика подверглись во время революции разграблению и варварскому надругательству. Потом, после неизбежного кровопускания, все во Франции

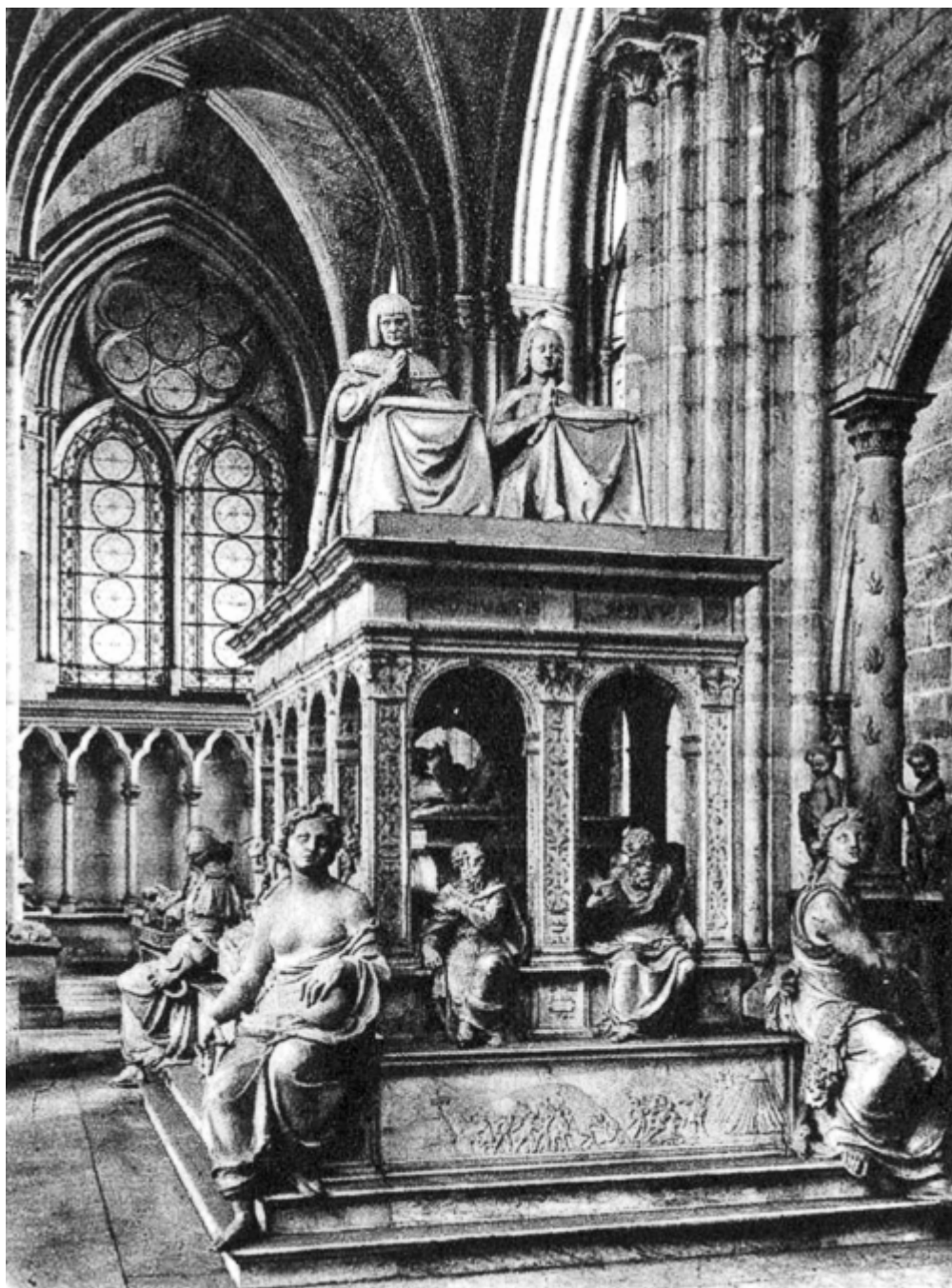
вошло в колею. Ну а в XX веке, после того как усилиями профессиональных подпольщиков из Коминтерна (не слишком французские имена их, кстати, мало кто знает во Франции – Дёготь, Соколовская, Пурман, Абрамович, Эрне Гере и другие) была создана в Париже секция саботажно-шпионского Коминтерна, позднее переименованная в компартию, Сен-Дени стал оплотом коммунистов, или, как вдохновенно выразился поэт Блез Сандрар, «красной столицей». Самая богатая в то время партия Франции не обнищала и тогда, когда контрабандные подарки в долларах из Москвы перестали поступать в грандиозную парижскую штаб-квартиру партии, ибо финансирование этой партии происходит теми же нелегальными способами, что и тайное финансирование всех прочих партий. Разница только в том, что компартия (бывшая секция Коминтерна) сильнее своих конкурентов во всем, что касается конспирации, оттого бесконечному следствию по делу о взятках, «приписках» и фальшивых накладных так и не удается усадить руководство партии на скамью подсудимых (прочие «руководства» уже за это время погорели и отсидели). Кстати, ленинские традиции конспирации пригодились и здешним троцкистам, которые решительно возобладали над сталинистами. Впрочем, стоит ли нам с вами вообще посещать еще одну на нашем жизненном пути «красную столицу», еще один индустриальный город с его чуть ли не полутора сотнями предприятий и полтысячей гектаров индустриальной зоны? Стоит – если задержаться у великого памятника французской истории, религии и искусства – у базилики Сен-Дени, у некрополя французских монархов.

Эта базилика, что нынче оказалась неподалеку от станции городского метро, в промышленном, иммигрантском, вечно кипящем экстремистскими политическими страстями Сен-Дени, может нам многое поведать о прошлом. О начале христианства на земле галлов, о королях и войнах, о философах и богословах, о великих художниках и камнерезах. Это ведь памятник только зарождавшейся готики, а надгробия этого уникального королевского некрополя составляют истинный музей искусства, в котором перед любопытным туристом проходят шесть веков эволюции надгробной скульптуры и архитектуры.

Все начиналось шестнадцать веков назад, когда над могилами мучеников-епископов воздвигли тут первый молельный дом. Святая Женевьева перестроила его в 475 году, а между 630 и 638 годами здесь была построена новая церковь. Ее щедро одарил король Дагобер, который первым и пожелал быть здесь погребенным. Король Пипин Короткий перестроил церковь и освятил ее в присутствии самого Карла Великого. Тогда же здесь было устроено хранилище, где и в пору, когда короли стали венчаться на царство в Реймсе, по-прежнему хранились королевские сокровища и символы власти – и корона, и скипетр, и перстень... Друг и будущий советник Людовика VI Сюжер жил в монастыре с десяти лет и учился тут грамоте вместе с будущим королем. Когда он стал настоятелем в Сен-Дени, здесь началось строительство и уже можно было увидеть первые достижения французской готики. Это здесь монахи писали по-французски свои летописи и знаменитые Большие хроники, доведя их до эпохи Людовика XII. Так что в Средние века Сен-Дени был центром истории и литературы, центром учености. Здесь сложились самые долговечные и прочные из ритуалов монархии. Это здесь на протяжении доброй тысячи лет в час королевских похорон звучал знаменитый возглас: «Король умер, да здравствует король!» Клич этот говорил о непрерывности власти, о ее преемственности и надежности. Иные из королей (скажем, Пипин Короткий) предпочитали не ездить в Реймс и венчаться на царство в престижном Сен-Дени, где хранились не только королевские регалии, но и алое военное знамя аббатства с золотыми языками пламени, которое с XII по XV век служило и королевским штандартом.

Под готическими сводами базилики происходили самые памятные события французской истории. Это сюда Жанна д'Арк, раненная в 1429 году под Парижем, приходила освятить свое боевое оружие. Под этими сводами король Генрих IV отрекался от протестантской веры отцов, здесь он служил мессу, которой стоили ему власть и Париж. Именно здесь коро-

новали французских королей, на протяжении веков – от Анны Бретонской до Марии Медичи. Здесь златоуст Боссюэ произносил свои надгробные речи.

СОБОР СЕН-ДЕНИ – ВЕЛИКИЙ МУЗЕЙ МОНАРХИИ И СКУЛЬПТУРНОГО ИСКУССТВА. НАДГРОБИЕ ЛЮДОВИКА XII И АННЫ БРЕТОНСКОЙ

Сен-Дени познал и беды – разорение Столетней войны, Религиозных войн и Фронды, когда были украдены серебряные надгробия Людовика Святого и Филиппа-Августа. Но конечно, до конца XVIII века Сен-Дени и в страшном сне не видел того, что принесла Французская революция. Сперва базилику превратили в некий Храм разума, потом в фуражный склад, потом в артиллерийский склад. Могилы были разграблены, скульптуры вывезены или изуродованы. Вытащили «короля-солнце», черного как прах, из могилы и бросили в общую яму. Как писал Шатобриан, народ «швырял прах усопших королей в лицо живым, чтобы

их ослепить». Пошли в переплавку надгробия из меди, великолепные творения искусства, вроде надгробия Карла VIII, творение Гвидо Маццони из Модены. В переплавку пошли короны и драгоценности. Остальное разошлось по музеям и по карманам. Как свидетельствовал тот же Шатобриан, базилика зияла разбитыми окнами, дырявой крышей. В XIX веке новое бедствие постигло базилику – реставрационные работы бездарного Дебре. Построенный им шпиль пришлось разломать. Виоле-ле-Дюк пытался спасти кое-что. Вернули в Сен-Дени иные из старых надгробий...

Помню, в былые годы это великое множество королевских могил ранило мое отцовское сердце состраданием к доченьке, которая к урокам истории в лице Генриха IV заучивала бесконечные списки французских монархов. У нас-то на Руси их было раз-два и обчелся. В базилике, впрочем, этот тяжкий груз французской истории скрашен усилиями скульпторов, и французов и итальянцев, – ренессансным мрамором, который тесали миланцы Микеле д'Ариа и Джироламо Вискардо, флорентийцы Донати ди Батиста и Бенедетто да Роведзано... Это, впрочем, лишь начало XVI века.

А позднее трудились французы – Пьер Бонтан, Филибер Делорм и еще десятки и сотни славных мастеров, воздвигших пышные надгробия королям и принцам крови, воинам и поэтам. Один перечень королевских могил или имен мастеров-ваятелей растянулся бы на много страниц, а есть ведь надгробия, перед которыми задержаться надо надолго, – вроде надгробия Анны Бретонской и Людовика XII или великолепного бронзового надгробия Генриха II и Екатерины Медичи.

Во многих книгах, в частности у того же Шатобриана, вы найдете романтическое описание здешнего подземелья, крипты, подземных часовен.

В северной части базилики Людовик XVIII после Реставрации устроил оссуарий, куда снесли кости королей, принцев и принцесс, которые в незабываемом 1793 году еще не все перебившие друг друга деятели революции свалили в общую яму у северного портала базилики.

В базилике Сен-Дени так много шедевров искусства, что, закончив их осмотр, не захочешь идти дальше. Сил ни на что больше не остается. Оно и к лучшему, ибо вокруг базилики местные власти затеяли ныне жилстроительство, а на что оно похоже, может и без осмотра угадать всякий. Чтоб это увидеть, не надо и во Францию ехать, тем более на прогулку по городу Сен-Дени тратить бесценное время жизни.

Путешествие в Шантийи

Французское плато Сарсель • Вилье-ле-Бель • Экуан • Музей Ренессанса • Ле-Мениль-Обри • Люзари • Виарм • Бомон-сюр-Уаз • Аббатство Руайомон • Лис-Шантийи • Шантийи

От Сен-Дени и Парижа идут к северу прямые, точно по линейке прочерченные, дороги вроде шестнадцатой или семнадцатой национальной (госдороги), ибо к северу от Сен-Дени (а стало быть, и к северу от Парижа) протянулось плоское Французское плато, плато Франции. Если б я имел право менять старинные названия, я бы даже назвал его Франкским плато. В местах этих с середины V века обитало германское племя франков, которое и подарило свое имя этой стране, тогда как племя паризиев, населявшее парижский остров Сите, подарило свое имя только столице Франции да еще кое-каким мелким селениям. В сущности, паризии и франки заселили одну и ту же территорию – долину между Сеной, Марной и Уазой, и названия здешних поселений до сих пор отражают их былую принадлежность. Скажем, Фонтенэ-ан-Паризи лежит всего в каких-нибудь двух километрах от Шатенэ-ан-Франс, просто одно обязано своим названием паризиям, другое – франкам и бывшей маленькой Франции. Кстати, уже знакомый вам Сен-Дени еще и в XIX веке назывался Сен-Дени-ан-Франс. Так что не удивляйтесь, если вам попадутся на дороге эти «ан-Франс» и «ан-Паризи».

Плоская, плодородная эта местность, где крестьяне с усердием выращивали овощи и фрукты для прожорливой столицы, была в прошлом открыта всем бедам и нашествиям. Последнему нашествию подвергла ее сама гордая столица, застроившая в середине прошлого века старинный Сарсель (Sarcelles), что в 16 километрах к северу от Парижа, кварталами новых домов для городских рабочих и иммигрантов. Жутковатый получился город-дортуар, спальня для бедных. Даже термин такой вошел в мировую урбанистику, наподобие медицинского, – «сарселит». Им обозначают язвы, болезнь больших городов, жуткие пригороды вроде Сарселя. Тридцать лет спустя самые страшные из кварталов заново перестроили, пытались немного подлечить город от «сарселита», но, конечно, новый Сарсель и нынче малоинтересен для экскурсий. В старой его части уцелела построенная на месте старого храма римлян церковь Петра и Павла с великолепной колокольной XII века, с ренессансным западным фасадом XVII века (авторство которого приписывают известному в этих местах Жану Булану), с готическими хорами XIII века и нефами XV века, с порталом в стиле «пламенеющей» готики. На улице Ришбур в старой части города сохранился небольшой замок, с хозяйкой которого гостивший в замке любвеобильный сочинитель Жан-Жак Руссо завел некогда небольшой роман.

Двигаясь к северу среди поздних новостроек, самые любопытные из путников отыщут и старинный Вилье-ле-Бель (Villiers-le-Bel) с его римскими колодцами и великолепной церковью Сен-Дидье (XIII–XVI веков), которую считают одной из интереснейших ренессансных церквей на целом Французском Острове. Она сохранила очень старый фасад, XVII века складень работы Никола Прево и резной органной шкаф. В здешней часовне можно увидеть XVI века скульптуры, выполненные по эскизам Жана Булана.

Те же, кто не рискуют вторгаться в «спальный» микрокосм современного Сарселя, доберутся напрямую до Экуана (Ecouen) – это лишь в двадцати километрах от Парижа. Там, на северо-восточном склоне холма, красуется над равниной знаменитый ренессансный замок, в котором была собрана за последнее время прекрасная коллекция ренессансного искусства Франции.

В 1538 году коннетабль Анн де Монморанси решил обновить и перестроить родовой феодальный замок в модном стиле (в моде как раз и было ренессансное искусство, или, как уточняют, «второй ренессанс»). Сам коннетабль, чьим замком нам предстоит насладиться,

является видным персонажем французской истории. Он был военачальником и ближайшим советником короля Франциска I. Много написано о непримиримости и прямоте знаменитого политика (среди его девизов были: «Не сверну с дороги!», «Искренность и верность», «Сохраняй и в споре спокойствие души» и еще другие, столь же возвышенные), о его верности трону (он погиб в Сен-Дени в пору Религиозных войн, и якобы его последняя фраза была: «Счастлив умереть за веру под знаменами короля»). В 30–40-е годы XVI века коннетабль как раз впал в немилость и, удалившись от двора, отдал свою незаурядную энергию обустройству родового гнезда, к которому привлек крупнейших мастеров Франции (Николо Делль Абате, Жана де Гурмона, Жана Клуэ, Бернара Палисси, не говоря уж о Гужоне и Булане). Коннетабль был ценителем искусства и меценатом. Удаления его от двора добились фаворитка стареющего Франциска I Анна Пислё, герцогиня Этампская (впрочем, указывают и на некие его ошибки во время мирных переговоров с Карлом V). Наследник престола, будущий Генрих II, и его легендарная возлюбленная Диана де Пуатье в пику красавице герцогине, напротив, считали коннетабля своим союзником и не раз бывали в прекрасном его Экуане, где, если верить поэтическим откровениям божественной Дианы, она в преддверии своего 45-летия («баба ягодка опять», как выражались когда-то московские дамы) впервые одарила 25-летнего дофина всей полнотой своей нежности:

Цветок тот, видите ли, был так свеж и мил,
А юноша так пылок, юн и зрел,
Что дрогнула Диана, вы поймете,
О случае каком идет здесь речь...

Понятно, что после смерти Франциска I (в 1547 году) и естественного удаления от власти его фаворитки коннетабль был возвращен Генрихом II ко двору и осыпан милостями. Новый король не раз гостил в замке Экуан, и если коннетабль не оправдал надежд Дианы на полное подчинение, то это уже новая история, а мы пока вернемся в несравненный Экуан времен его расцвета. Замок строился в стиле ренессанса, пришедшего на Французский Остров с берегов Луары, однако это был уже «второй ренессанс», более строгий и классический, вдохновлявшийся непосредственно образцами античности.

Коннетабль де Монморанси был страстным коллекционером и заполнял свой замок произведениями искусства. После казни последнего из Монморанси в 1631 году коллекции эти перешли к принцам Конде, но легко догадаться, что они были разворованы в эпоху Великой революции. Сам замок чудом уцелел от разгрома. В нем, согласно высокой военно-революционной традиции, были размещены сперва военная тюрьма, потом военный госпиталь, а позднее патриотический клуб...

В сороковые годы XVI века общая планировка замка-дворца была поручена коннетаблем Жану Булану, а в украшении его участвовал сам Жан Гужон (создатель чудесного парижского фонтана Праведников, что у бывшего «чрева Парижа»). В декоре фасада отразилось пристрастие Булана к древним архитектурным ордерам – к коринфскому и дорическому (на оба ордера архитектору хватило торжественных фасадов). Французский сад и ныне уводит от западной террасы замка к опушке уже цивилизованного (в стиле Ле Нотра и Ардуэн-Мансара) ближнего леса.

После войны французское министерство культуры решило разместить в замке (а в нем еще Наполеон устроил пансион для дочек легионеров, и девицы освободили помещение лишь в 1962 году) Музей Ренессанса. Вот тогда-то в тщательно восстановленный замок и перекочевали бесценные экспонаты из парижского музея Клюни, из Шалон-сюр-Марна и прочих мест. Тогда появилась здесь, в частности, знаменитая галерея расписных ренессансных каминов, а также каминов в итальянском стиле, украшенных мраморными скульпту-

рами. Появились турецкая керамика, эмали, итальянское, венецианское, немецкое и французское стекло, произведения лучших итальянских и французских мастеров. Появились старинные кухни, и часы, и ювелирная мастерская, и ковры, и кожи, и витражи, и даже крыши.

ВНУТРЕННИЙ ДВОР ЗАМКА ЭКУАН

Но, конечно, в центре внимания знатоков и эстетов – сам замок, его украшенные люкарны (которые приписывают самому Гужону), декор королевских покоев (который приписывают самому Булану). Воистину, фантастический музей задумал министр Мальро. И подумать только, что этот достойнейший из министров начинал с ограбления памятника мировой культуры (правда, не французского) и с мелкого подхалимажа на советских конгрессах. Как все-таки растут люди...

Среди бесчисленных достопримечательностей экуанских замковых дворов можно увидеть (за мостиком, против западного входа, в саду) фонтан, посвященный голландской королеве Гортензии, той самой, что была дочерью Жозефины Богарне (неизвестно, впрочем, от какого отца), возлюбленной многих славных – в том числе и нашего победоносного императора Александра, – а также матерью (с отцами у них, как всегда, проклятая неизвестность) будущего французского императора Наполеона III. Фонтан в ее честь повелел соорудить, и вполне своевременно (в 1810 году, за пять лет до ее изгнания из Франции), ее брат, принц Евгений де Богарне.

В самом городке Экуане можно увидеть церковь XVI века Сент-Акель (также построенную по заказу коннетабля Анн де Монморанси) с ее ренессансными скульптурами, итальянского стиля витражами.

Многие французские авторы считают, что замок Экуан может элегантностью своей соперничать с такими звездами Луары, как Шамбор и Шенонсо. А уж о неоспоримых досто-

инствах здешнего уникального музея и говорить не приходится! Так что если турагентства предпочитают везти туристов не за 20 километров, а за 200 (на Луару), то это уж на совести (или на счету) индустрии туризма.

Продвигаясь дальше к северу, любитель ренессансной архитектуры непременно остановится (минут через десять) в деревушке Ле-Мениль-Обри (Le-Menils-Aubry), чтобы осмотреть прелестную здешнюю (тоже XVI века) церковь с ее украшенным в стиле античности фасадом, статуей Девы над левым боковым порталом, с ее витражами XVI века и каменными надгробиями XV–XVI веков.

Еще чуть севернее (в каких-нибудь 28 километрах от Парижа) стоит близ дороги классического стиля замок Шамплатрё, принадлежавший маркизу де Ноай (он был построен в 1757 году архитектором Шевоте). Ни во двор, ни в замок нас, увы, не пустят, но зрелище, которое открывается через решетку Почетного двора, заслуживает остановки.

На подъезде к селению Люзарш можно увидеть слева еще один старинный замок – Рокемон. Когда-то он принадлежал монастырю, но был у святых братьев отобран Революцией, а в 1802 году был продан казною одной знаменитой актрисе.

Живописная, стоящая на холме деревня Люзарш (Luzarches) упоминается уже в документах VII века. В 775 году Карл Великий подарил здешнюю «виллу» монахам из монастыря Сен-Дени. Стояла здесь также могучая крепость графов Бомон, которую осадил и взял (в самом начале XII века) король Карл Толстый. Вернувшись из крестового похода, граф Жан де Бомон перевез сюда из Рима кости святого Космы и его брата святого Дамиана и построил близ замка новую церковь, посвященную святому Косме. Церковь эта была разрушена в незабываемом 1793 году, однако осталась в Люзарше более старая церковь, также посвященная святым братьям Дамиану и Косме, которые славились исцелением больных (недаром в церкви этой сохранилась 1705 года латинская надпись, свидетельствующая о связи этого храма с парижским братством хирургов). Авторство более позднего, элегантного фасада этой церкви приписывают местному архитектору Никола де Сен-Мишелю. Церковь эта славится также огромною розой над порталом, деревянной облицовкой свода своего нефа и квадратной башней часовни с романским аркатурным поясом XII века...

На местном кладбище можно обнаружить старинную могилу некоего Сент-Ода. Есть сторонники той версии, что это и был маленький Людовик XVII.

В селении уцелели ворота старого замка, а также его заселенная ныне гражданами башня, с вершины которой открывается живописный вид на долину.

Люзарш славился некогда своими кружевницами и кружевами. Вдобавок имя его прославил в XIII веке архитектор Робер де Люзарш.

В каких-нибудь трех километрах к востоку от Люзарша находятся среди леса Гуи развалины старинной церкви и то, что называют замком Эриво. Здесь с 1160 года стояло аббатство Эриво, в котором старательная Французская революция разрушила все, что смогла. Семь лет спустя национализированные эти руины приобрел знаменитый писатель и политический деятель Бенжамен Констан. Он разрушил приспособленное под общежитие левое крыло постройки XVIII века и построил там себе гнездышко, в котором и протекал его долгий и бурный роман с Жерменой де Сталь, описанный им еще через восемь лет в его сочинении «Адольф», которое во Франции считают шедевром психологического романа. Еще столетие с лишним спустя, к тому времени, когда были забыты многочисленные политические, исторические и религиозные выступления этого писателя, вышли в свет его «Дневник», «Красная тетрадь» и его интимная переписка, принесшие ему (а может, и дому среди руин в романтической гуще леса) новую славу...

От Люзарша можно было бы за каких-нибудь четверть часа домчать до Шантийи, но я предлагаю поехать в обход, через Виарм (Viarmes), ибо «нормальные герои всегда идут в обход». В маленьком зеленом Виарме у подножия холма и кромки леса Карнель, в каких-

нибудь двух километрах от левого берега Уазы, есть церковь XII–XV веков с мраморным алтарем из бывшего аббатства Руайомон. Замечательная церковь есть и в соседней с Виармом деревушке Аньер-сюр-Уаз (Asnières-sur-Oise). Ей от аббатства Руайомон досталось в наследство замечательное надгробие маршала Франции Анри де Лорэна, которое изваял сам Кузевокс. Ко всем этим недобровольным пожертвованиям знаменитое аббатство вынудила Великая французская революция, не щадившая ни аббатств, ни церквей, ни монахов. При этом, конечно, граждане всех уровней и званий должны были поучаствовать в революционном разоре и разбое. Элегантный замок XVIII века, в котором размещается нынче мэрия (сельсовет) мирного Виарма, принадлежал некогда благородному аристократу маркизу де Траванне. Нелицеприятные историки сообщают, что маркиз этот не только с энтузиазмом приветствовал разрушение аббатства Руайомон и превращение некоторых из его построек в ткацкие цеха, но и сам использовал камень бесценных строений как стройматериал для умножения своего личного жилфонда. Так что не в одной революционной России находились аристократы, подпевавшие чужим гимнам.

Самым любопытным из моих нынешних попутчиков я предлагаю чуть севернее Виарма свернуть на запад – в сторону городка Бомон-сюр-Уаз (Beaumont-sur-Oise). Городок разместился на холме, где еще в древности стояли римские укрепления. Среди прочего археологи откопали здесь галльские монеты I века до н. э. В местности, называемой Чертовой Дырой, они же откопали две древнеримские виллы и театр. Был здесь некогда могучий феодальный замок, который осаждал в 1590 году король Генрих IV. Ныне от него осталось не так уж много – основание четырехугольной башни, основание оборонительной стены XIII века да остатки еще одной башни с мощными контрфорсами.

Здесьняя церковь Сен-Лоран с ее квадратной ренессансной башней, увенчанной куполом, сохранила элементы и XII, и XIII, и XIV веков. Есть в этом городке и старинные провинциальные дома, а также руины аббатства Сен-Ленор.

А на улице Бас-де-ла-Валле сохранились здания бывлой дорожной станции, стоявшей близ водного пути Париж – Абевиль – Кале, – здания XV, XVI и XVII веков. Некоторые упоминания об одном из путников, делавших здесь пересадку в XVIII веке, до нас дошли в записках Сен-Симона. Сен-Симон пишет о маршале Тессе, которому в 1717 году были поручены регентом встреча и сопровождение знатного гостя из России – царя Петра I:

«Маршал Тессе весь день на всякий случай ждал царя в Бомоне, чтобы его не упустить. Прибыл царь в пятницу 7 мая в полдень. При его выходе из экипажа маршал оказал ему все должные почести, имел честь отобедать с ним и увезти его в тот же день в Париж».

Наш же с вами путь, напротив, лежит от Парижа, на северо-восток, к знаменитому аббатству, до которого от Бомона меньше десяти километров.

Бенедиктинское аббатство Руайомон, расположенное близ леса Карнель, в самой чаще Лисского леса, было построено Людовиком IX (Людовиком Святым) во исполнение обета, данного его отцом Людовиком VIII. Король Людовик Святой любил это аббатство, часто бывал в нем, участвовал в монашеской жизни и даже разносил блюда в монастырской трапезной. Недаром скромных размеров гора Кюимон, на которой стоит аббатство, получила высокое имя Королевской горы. Впрочем, несмотря на вполне умеренную высоту, гора эта и нынче горделиво царит над французской низменностью, как, скажем, трехсотметровая гора Ореховна, что чуть севернее озера Селигер горделиво возвышается над Русской равниной.

В аббатстве Руайомон веками жили монахи-бенедиктинцы из числа последователей святого Бернарда (орден Сито). Понятное дело, что богохульная Французская революция должна была по возможности изничтожить и изгадить аббатство, что и было сделано с большим старанием. От церкви осталась одна башня, из прочих построек частично уцелел знаменитый прогулочный дворик (клуатр) с его арками и колоннами. И хотя монашеское пение не звучит больше на холме со времен революционного разгула, духовная жизнь в этих

стенах не заглохла окончательно. Руины были куплены супругами Изабель и Анри Гуин, жизнью бывшего аббатства занялся их «Фонд Руайомон Гуин-Ланг в защиту прогресса гуманитарных наук». Фонд организует тут семинары и концерты, которые пользуются всемирной известностью, так что отреставрированную трапезную монастыря время от времени оглашают звуки божественной музыки. В ту же трапезную и в великолепную кухню бывшего аббатства мало-помалу привозят старинные полихромные статуи (иные даже из тех, что уцелели после разгрома аббатства). Особенной известностью пользуется здесь XIV века Богоматерь, кормящая младенца Иисуса...

Чуть севернее аббатства, на скрещении лесных дорог и троп, стоит лесной хутор (конечно, это скорее деревушка, но подобные этому малолюдные, безмагазинные и бесцерковные селения называют во Франции *hameau* – так что, пожалуй, хутор). Подобно здешнему лесу, хутор так и называется – Ле Лис (*Le Lys*). Конечно, такой тихий райский уголок не мог долго оставаться незамеченным, так что оброс он мало-помалу «лесной станцией» – Лис-Шантийи. Недавно я обнаружил, что в этой лесной деревушке жил и умер довольно известный русский художник – Осип Браз. Имя его попадалось мне в письмах Чехова из Ниццы. Осип Браз приезжал туда к Чехову, чтобы дописать портрет писателя, заказанный Бразу самим П.М. Третьяковым для его Третьяковки. Насмешник Чехов писал тогда в письме милой подружке (и одной из его поклонниц – «антоновок») Александре Хотяинцевой:

«Меня пишет Браз. Мастерская. Сажу в кресле с зеленой бархатной спинкой, *En face*. Белый галстук. Говорят, что и я и галстук очень похожи, но выражение, как в прошлом году, такое, точно я нанюхался хрену... Кроме меня, он пишет также губернаторшу (это я сосватал) и Ковалевского. Губернаторша сидит эффектно, с лорнеткой, точно в губернаторской ложе; на плечи наброшен ее кошачий мех – и это мне кажется излишеством, несколько изысканным...»

Это было в 1898 году, и Браз уже был к тому времени знаменитым портретистом. Он написал множество портретов коллег по искусству, а также давал уроки в своей частной студии в Петербурге (набережная Мойки, № 112). У него учились и З. Серебрякова, и Н. Лансере, и будущая жена Диего Риверы А. Белова. Написанный Бразом портрет Чехова многие считают одним из лучших портретов писателя.

С 1900 года Осип Браз был постоянным участником выставок «Мира искусства», а в 1914 году даже был избран академиком. Он и после революции продолжал писать портреты, а до 1924 года был хранителем отдела голландской живописи Эрмитажа, потому как был большой знаток и коллекционер голландской живописи. Но мороз на дворе крепчал, и уже в 1924 году упрятали академика Браза в Соловецкий лагерь. За него ходатайствовали многие русские знаменитости, и через два года его, еще живого, отправили в ссылку в Новгород, где он, не щадя сил, приводил в порядок местный музей. В 1926 году ему разрешили вернуться в Петербург (уже осчастливленный новым именем) и даже разрешили работать в Эрмитаже. Но он понял, что последует дальше, так что в 1928 году перебрался в Париж к семье. В изгнании он еще писал картины, подрабатывал продажей антиквариата, большим знатоком которого был, но, потеряв вдруг в 1935 году жену и обоих сыновей, уехал доживать последний год жизни в лесу Лис. Впрочем, даже лесной воздух не спас его от горя и чахотки, которая унесла его 63 лет от роду...

От стен знаменитейшего на Французском Острове аббатства Руайомон можно по живописным лесным дорогам попасть в знаменитый Шантийи (*Chantilly*), насчитывающий много веков. Первая римская вилла в тогдашнем Кантилиусе была построена еще в галло-романскую эпоху, а в X веке здесь уже стоял первый замок (к середине XIV века разрушенный). К концу того же XIV века канцлер Франции Пьер де Оржемон построил здесь новый замок, а в середине XV века вдовая Маргарита де Оржемон вышла замуж за барона де Монморанси. Род Монморанси тут продержался два века, и первое достойное их рода жилище соорудил

здесь внук Маргариты де Оржемон, коннетабль Анн де Монморанси, для которого его архитектор Пьер Шамбиж создал здесь укрепленный замок, навеянный воспоминаниями об италийском походе коннетабля. Позднее знаменитый ценитель искусства и меценат Анн де Монморанси решил построить еще один замок и пригласил для работы тех же знаменитых мастеров, что трудились у него в Экуане, – Жана Булана, Франсуа Клуэ, Бернара Палисси, Леонарда Лимузена, Жана Гужона... В течение семи лет, которые коннетабль оставался в немилости у короля, он заполнял этот свой новый дворец (ныне называемый Малым замком или Капитанерией) ценной мебелью, коврами, произведениями скульптуры и живописи. Призванный снова ко двору Генрихом II, влиятельный дипломат и полководец Анн де Монморанси был смертельно ранен в битве при Сен-Дени (где он все же одержал победу) в немало для той эпохи возрасте (74 года). Его младший сын прожил 81 год, был трижды женат и имел красавицу дочь Шарлотту, к которой был равнодушен славный король Генрих IV. Шарлотта вышла замуж за принца Конде, и у них был сын, который совсем молодым стал адмиралом, а 35 лет от роду был уже маршалом Франции. Передвигался этот красавец не иначе как в сопровождении трех десятков пажей, наряженных в шелковые костюмы с золотым шитьем, и вдобавок сотни рыцарей-аристократов. Королева Мария Медичи женила его на прекрасной Марии-Фелиции Орсини, которую поэты того времени воспевали под именем Сильвии. Красавица безумно любила своего блистательного мужа, но, увы, он оказался замешан в мятеже Гастона Орлеанского и был казнен в Тулузе 30 октября 1632 года. Людовик XIII реквизировал все имущество Монморанси, а безутешная красавица вдова ушла в мелэнский монастырь, где и завершила свои дни 34 года спустя. Что до поместья Шантийи, то оно было подарено Анной Австрийской ее матери, Шарлотте де Монморанси, принцессе Конде (герцогине Ангулемской), назавтра же после известия о военной победе герцога Энгиенского, которого называют Великим Конде. Великий Конде занялся парком, пригласив для его устройства Ла Кентени и самого Ле Нотра. В этом парке хозяин давал пышные праздники, на одном из которых присутствовал сам король Людовик XIV. Именно трагические события этого праздника описаны в письме мадам де Севинье. В тот день, 23 апреля 1671 года, знаменитый повар Ватель, видя, что угощение опаздывает к королевскому столу, покончил с собой.

Каждый из последующих принцев Конде вносил усовершенствования, улучшал (или ухудшал) постройки. В 1770 году был построен так называемый Энгиенский замок в честь сына герцога (позднее расстрелянного Наполеоном в Венсенском лесу). В 1782 году принц Конде воистину по-царски принимал у себя в Шантийи графа и графиню Северных. Под этим псевдонимом путешествовали великий князь-наследник, будущий русский император Павел I, и его супруга Мария Федоровна, урожденная принцесса Доротея Вюртембергская. Гости были растроганы приемом, и когда чуть позже хозяевам Шантийи пришлось бежать в изгнание, спасаясь от ярости революции, Павел I приютил принца вместе с его полком и поставил их на довольствие. Впрочем, чуть позднее, примирившись с Наполеоном, Павел снял бесчисленных гостей с довольствия.

ОДИН ИЗ МНОГИХ РОМАНТИЧЕСКИХ ЗАМКОВ В ПОМЕСТЬЕ ШАНТИЙИ

Последний из принцев Конде – Луи-Анри-Жозеф Конде, отец расстрелянного Наполеона Луи-Антуана-Анри Конде, умер в Сен-Лё в 1830 году, и наследником семьи стал герцог Омаль, построивший в Шантийи Большой замок и решивший восстановить поместье, которое в 1886 году он принес вместе со всеми его коллекциями в дар Институту Франции. Восстановительные и строительные работы в замке вел с 1840 года архитектор Доме. Сегодня и замок, и парк, и музей Конде с его богатейшими коллекциями произведений искусства доступны посетителю, любому, кто не поленится преодолеть эти неполные полсотни километров от Парижа до Шантийи. Вряд ли самое дотошное перечисление всех этих галерей, вестибюлей, ротонд, залов, террас, салонов, кабинетов даст нам сколько-нибудь исчерпывающее представление о богатстве этой (как любит выражаться здешняя пресса) «пещеры Али-Бабы». Вряд ли даст его и перечисление звучных имен творцов всех этих 500 полотен, 300 миниатюр, 689 рисунков известных мастеров, 500 рисованных портретов, из которых 400 были созданы в XVI веке, а также 500 акварельных портретов Кармонеля, 600 портретов Рафе, 3000 эстампов, бронзовых статуй, эмалей, коллекций керамики, монет и медалей (их около 4000). Не по силам мне описать и сокровища здешней библиотеки (14 000 томов, 1400 рукописей, 5000 эстампов, а еще ведь есть 25 000 томов рабочей библиотеки, письма, архивы...). Однако, не избежав все же соблазна перечислений, упомяну только, что

есть здесь творения Рафаэля, Боттичелли, Филиппо Липпи, Перуджино, Тициана, Сальватора Розы, Пуссена, Миньяра, Ватто, Делакруа, Энгра, Коро, Рубенса, Ван Дейка, Рейнолдса, Дюрера, Ле Нотра... Я уж не говорю о коврах, о ювелирных изделиях (и «розовом алмазе»), об эмалях.

Выйдя из музея, турист не завершает, а только начинает странствие по зачарованному миру Шантийи, ибо слева, над партерами, открывается ему терраса с каменными химерами резца великого Кусту, потом, за Королевским мостом с оленями, его ждут тенистые аллеи, что ведут мимо Энгийенского дворца, мимо часовни Святого Павла XVI века, вдоль пруда – по аллее Сильвии к дому Сильвии. Как вы, может, помните, Сильвией поэтически называл жену маршала Франции, казненного в Тулузе, Марию-Фелицию Орсини, воспевавший ее поэт Теофиль де Вио. Поэт прятался в Шантийи от преследований и слагал оды красавице хозяйке (это было в 1623 году). К дому Сильвии, перестроенному Великим Конде, герцог Омаль пристроил позднее ротонду с видом на пруд, и уголок этот оваян также романтической историей любви сестры принца Конде к герцогу де Жуайёзу, который погиб во время охоты на кабана – здесь же в Шантийи в 1724 году в присутствии короля Людовика XV...

По аллеям, по мостикам, мимо скульптурных групп и статуй, мимо деревушки, построенной для празднеств, через каналы, потом по новым аллеям, мимо бассейнов, вдоль новых каналов: мимо уцелевшего в английском саду острова Любви к спасенному благодаря хитрости кабатчика от безудержного энтузиазма револьвер Залу для игры в мяч, в котором тоже есть и статуи, и сувениры Алжирского похода, и ковры, и кареты, и еще бог знает что, – путь наш выведет в конце концов к Большим конюшням, которые считают одним из красивейших памятников гражданской архитектуры XVIII века (построены архитектором Жаном Обером для герцога Бурбонского, бывшего министром у короля Людовика XV). В конюшнях (расчитанных на 240 лошадей) и по краям круглого манежа – аркады, скульптуры, фонтан, над входом – великолепный скульптурный фронтон. А из окон – вид на лужайку ипподрома, на скаковую дорожку...

Боюсь, экскурсия вас утомила, а мы ведь не посетили еще ни леса Шантийи (больше двух тысяч гектаров), ни примыкающего к нему Лисского леса (еще 900 гектаров), ни ближнего леса Руайомон, ни леса Кой, ни леса Понтарме, ни леса Коард. Да ведь и в Большом парке Шантийи с его 650 гектарами зеленой прелести есть где разгуляться...

Тем, у кого все же останется время после экскурсии, отдается на разграбление уютный провинциальный городок Шантийи, его улица Коннетабля с добрым километром магазинов, основанный еще красавицей Шарлоттой Конде принят с коллекцией XVII века фаянсовых аптечных горшков. В доме № 26 на той же улице Коннетабля еще одна сокровищница провинциального городка – местная библиотека, подаренная Институту Франции одним бельгийским библиофилом и эрудитом. В библиотеке непременно встретишь за столами здешних эрудитов, которые объяснят вам, что ученость и редкие книги не в одном только гордом Париже, но и здесь, в этом улье культуры Шантийи, среди его лесов, дворцов, статуй и мерцающих прудов...

Хотя Шантийи всего в полусотне километров от Парижа, не уверен, что стоит спешить с возвращением в шумную столицу. В соседней деревушке вас с удобствами разместят в замке-отеле, принадлежащем Ротшильдам (Шато де Монвил-ларжен), или в так называемом Башенном замке (Château de la Tour), не говоря уж о постоянных дворах и недорогих отелях, которых немало в округе (вроде тех, что разместились на хуторе де ла Шоссе или в деревушке Винёй-Сент-Фирмен)...

Монморанси

Монморанси Сен-При • Сен-Лё-ла-Форе • Энгиен

Город Монморанси (Montmorency), что разместился километрах в пятнадцати к северу от Парижа на вершине холма, царящего над долиной Монморанси и равниной Паризи (или Паризиев), издавна привлекал и новых жителей, и художников, и просто путников, искавших красоты и покоя, привлекал изумрудными склонами холма, цветением знаменитой вишни «монморанси», близостью леса с его вековыми каштанами. В конце XIX века Монморанси так неудержимо влек к себе богатую публику, что здесь сдавали в сезон до 300 меблированных вилл. Любимым развлечением дачников были прогулки по лесным аллеям среди каштанов верхом на ослах. Конечно, в эпоху автомобилей близость к перенаселенному Парижу не осталась безнаказанной для провинциального рая. Новые строения потеснили старинную часть города (а все же она уцелела), они почти свели на нет легендарные вишенники, да и прославленному лесу пришлось тяжело, не говорю уж об ослах. Только с начала 70-х годов XX века здесь взялись за охрану леса, создали охранную зону для прогулок, начали восстанавливать каштаны. И надо сказать, местные жители оказали яростное сопротивление варварству «дикой цивилизации»: они отстояли от спекулянтов часть старого города, отбились от соседства с автострадой... Так что двадцатитысячный Монморанси сохранил и поныне атмосферу провинциального городка. Лишь на плато Шампо выросли местные «Черемушки», торжественно именуемые «ансамблем жилых домов», в остальном Монморанси все же сохраняет нечто от старого идиллического облика и по-прежнему влечет к себе парижан по воскресеньям, когда им не надо спешить на работу, да и прочих туристов манит – в меру их просвещенности.

История этого старинного города тесно связана с родом Монморанси. Еще в X веке один из основателей рода, в ту пору носивший скромную фамилию Бушар (лишь в XII веке Бушары стали Бушарами де Монморанси, когда их сумел, хотя и не без труда, привести под свою руку мудрый король Филипп I, внук достойного киевлянина Ярослава Мудрого), – так вот, тот первый из известных нам Бушаров получил от последнего короля династии Каролингов позволение построить на здешнем хоть и невеликом, а все же холме укрепленную башню и стены. В XIV веке замок и город сожгли англичане, да и позднее были войны, но мало-помалу бароны Монморанси стали герцогами и пэрами Франции, а при советнике короля и камергере двора, маршале Франции и коннетабле Анн де Монморанси (XVI век) достигли высшей власти, и тогда взялся коннетабль перестраивать и достраивать начатую еще его отцом бароном Гийомом де Монморанси усыпальницу рода (а позднее – церковь), посвященную святому Мартину (церковь Сен-Мартен). Меценат-коннетабль пригласил самых знаменитых архитекторов того времени (Жана Булана и Филибера Делорма), и строительство растянулось на сорок лет. Из того, что нынче предстает взору неленивого странника, особое внимание привлекают уцелевшие старинные витражи (уцелело их 14 из 22), ценители выделяют центральный – тот, где Дева, св. Мартин, св. Блез, св. Денис и св. Лаврентий. Внимательный посетитель заметит в соборе различные надписи и памятники, увековечившие память признанного лидера польской эмигрантской колонии во Франции, некогда друга русского императора, а позднее – главы польского правительства в изгнании князя Адама Чарторьского, а также память борца за свободу Польши, адъютанта Тадеуша Костюшко, писателя Юлиана Урсына Немцевича. Это соседство не случайно. В Монморанси после подавления русским правительством Польского восстания 1830–1831 годов собралось немало представителей националистически настроенной польской элиты. Изгнанников пригласил герой Наполеоновских войн генерал Князевич. Вероятно, это он и привлек Немцевича в Монмо-

ранси, где принимал его у себя и где позднее Немцевич поселился в доме № 14 на Рыночной площади. Впрочем, иные считают, что драматурга, поэта и романиста Немцевича привлек тот факт, что в Монморанси жил великий Жан-Жак Руссо. В жизни Руссо тихий Монморанси сыграл немалую роль. Писатель снял одноэтажный дом в имении Монлуи и жил в нем почти постоянно на протяжении пяти лет, до швейцарской ссылки. Здесь Руссо завершил свою «Новую Элоизу», написал «Эмиля» и «Об общественном договоре». Руссо гостил в Монморанси у герцога Люксембургского и у своей покровительницы мадам д'Эпине. Сохранился дом в Монлуи, которому посчастливилось попасть в «Исповедь» Руссо. В доме этом жили два священнослужителя-янсениста, которых Руссо прозвал «кумушками», подозревая, что они его злейшие враги и осуществляют слежку за ним. Ныне в этом реставрированном доме собирают документы о жизни Руссо и его эпохе, изучают искусство XVIII века, ставят спектакли, печатают брошюры...

Надо сказать, что в эпоху Просвещения, да еще и раньше, в Монморанси собиралось изысканное, просвещенное общество, бывали Дени Дидро и усердный корреспондент русской императрицы барон Гримм. Многих поначалу привлекало сюда общение с меценатами Монморанси, чей род, как известно, угас в 1632 году, когда четвертый герцог Монморанси (Генрих II) был по приказу Ришелье обезглавлен по обвинению в измене. История города связана и с царствованием «доброго короля» Генриха IV, которого род Монморанси поддерживал довольно рано. На старости лет (а пятидесятилетний возраст тогда считали старческим) добрый король без памяти влюбился в пятнадцатилетнюю красавицу Шарлотту-Маргариту Монморанси, которая была просватана за его друга, маршала Франсуа де Бассомпьера (позднее Ришелье упрятал его в Бастилию, где маршал написал интересные мемуары). Желая приблизить красавицу ко двору и не отдать ее другу, король написал маршалу хитрейшее письмо – вот оно:

«Бассомпьер, хочу поговорить с тобой как с другом. Я не просто влюблен в мадемуазель де Монморанси, я просто осатанел и вне себя от любви к ней. Если ты на ней женишься – при том, что я люблю тебя, – я тебя возненавижу. Предпочитаю, чтобы этого не случилось и чтобы это не испортило наших добрых отношений. Я решил выдать ее за своего племянника, за принца Конде, и держать ее подле моей жены. Это будет утешением для моей старости».

Нетрудно разгадать замысел старой лисы. Но король просчитался. Принц Конде очень ревностно приглядывал за молодой и был вскоре вознагражден за свои усилия. После казни четвертого герцога Монморанси город Монморанси перешел в наследство его жене, а потом и всему роду Конде.

В нынешнем Монморанси осталось не так много следов былых замков и каштановых аллей. Но все же они есть, и, прогуливаясь по парку и улицам городка, можно вспомнить легенды былых лет и строки из «Исповеди» Руссо.

ЖАН-ЖАК РУССО ЖИЛ В МОНМОРАНСИ ДО САМОЙ ШВЕЙЦАРСКОЙ ССЫЛКИ.

Фото Б. Гесселя

В Монморанси селились и новые русские эмигранты, из тех, кому было на что снять жилье да вдобавок не нужно было спешить в Париж на работу. После войны, в 1946 году в Монморанси поселился с семьей известный 66-летний график, а также вполне преуспевающий художник кино и театра Александр Мартынович Арнштам. Родился он в Москве, в семье фабриканта, восемнадцати лет от роду занимался в студии Юона живописью, а также изучал химию в Берлине, готовясь, как желал его отец, стать художником на фарфоровой фабрике. Правда, в Берлине он изучал также философию и анатомию, рисовал карикатуры и

посылал их в петербургский сатирический журнал – Чуковскому. Женившись на девушке из хорошей семьи, он поселился с ней в Париже и стал заниматься живописью, а вернувшись двадцати семи лет от роду в Москву, еще и закончил юридический факультет Московского университета.

С 1908 до 1918 года Арнштам жил в Петербурге-Петрограде, оформлял книги, издавал свой журнал, оформлял спектакли и даже заведовал каким-то просветительным комитетом в Наркомпросе. Казалось, что можно будет выжить. Он даже оформил книги самого Луначарского и самого Брюсова, сотворил панно «Рабочий с молотом». Но в конце 1919 года ЧК пристегнула его к какому-то наспех сфабрикованному «процессу 19-ти», так что, несмотря на заступничество Горького с Луначарским в его пользу, отсидел творец «Рабочего с молотом» девять месяцев в тюрьме, где, впрочем, создавал по заказу самого Госиздата какую-то «азбуку на тему революции» (скажем, так: «параша» – прибор для сгущения воздуха свободы, а может, еще чего-нибудь почище требовал Госиздат). К 1921 году Арнштам интеллектуально созрел и, получив с помощью тестя латвийский паспорт, двинулся через ненадежную Ригу в более надежный Берлин. В 1922 году он уже возглавлял берлинское издательство «Academia», участвовал в выставках, оформлял спектакли и фильмы, ездил на съемки в Испанию, рисовал афиши. Во время немецкой оккупации французские друзья прятали его в департаменте Дром.

Живя в Монморанси, Арнштам не только оформлял фильмы и рисовал афиши (привлекая к работе сына Кирилла), но и сам написал либретто, а также исполнил костюмы и декорации для балета «Нана» на музыку Томази (по роману Золя). Премьера состоялась в 1962 году в Страсбурге, имениннику было 82 года. Похоронив жену в Монморанси, Арнштам переехал в Париж и поселился в любимом квартале Пале-Руаяль. Он рисовал этот старинный архитектурный шедевр в разное время суток, готовя макет книги «Пале-Руаяль». Смерть застала его за работой, и его похоронили на кладбище в Монморанси, где он упокоился рядом с супругой. Было ему уже 89 лет. Полсотни лет напряженного, высокопрофессионального труда в эмиграции пошли ему на пользу.

В Монморанси похоронен и еще один русский художник – Иван Артемович Кюлев. Родился он в Ростове-на-Дону, учился у Серова и Коровина. Потом война, турецкий фронт, Югославия. В Париж к брату он переехал в 1926 году, причем весь его багаж пропал дорогой. Пришлось работать и упаковщиком и грузчиком, но участвовал он и в салонах. Рисовал иллюстрации к Гоголю. В 1930 году он вступил в общество «Икона», учился у старообрядца П. Софронова, преподавал рисование в Христианском студенческом движении. А в 1940 году написал картины на темы «Божественной комедии» Данте, Апокалипсиса и Книги Иова, провел несколько выставок – в Брюсселе, Медоне и во Флоренции. Скончался он 94 лет от роду в Русском старческом доме в Монморанси. На здешнем кладбище, кстати, немало бывших обитателей этого дома...

В 1951–1953 гг. в том же старческом доме (авеню Шарля де Голля, дом № 5) прожили почти три года супруги-поэты Ирина Одоевцева и Георгий Иванов. Сохранилось письмо Георгия Иванова, посланное отсюда в США Роману Гулю с просьбой прислать в адрес здешнего русского библиотекаря «пачку старых – какие есть – номеров «Нового журнала»:

«...сделаете хорошее дело. Здесь двадцать два русских, все люди культурные и дохнут без русских книг. Не поленитесь, сделайте это, если можно. Ну, нет, это не русский дом Роговского (речь идет о русском старческом доме на Лазурном Берегу в Жуан-Ле-Пене. – Б.Н.). Я там жила в свое время за свой собственный счет. Было сплошное жульничество и грязь, и проголодь. Здесь Дом Интернациональный – бывший Палас, отделанный заново для гг. иностранцев. Бред: для туземцев с французским паспортом ходу в такие дома нет. За нашего же брата апатрида (любой национальности) государство вносит на содержание по

800 фр. в день (только на жратву), так что и воруя – без чего, конечно, нельзя, – содержат нас весьма и весьма прилично».

Такое вот вполне прозаическое письмо написал из Монморанси известный поэт. Но и стихи он писал здесь тоже:

Мне больше не страшно. Мне томно.
Я медленно в пропасть лечу
И вашей России не помню
И помнить ее не хочу.

И не отзываются дрожью
Банальной и сладкой тоски
Поля с колосящейся рожью,
березки, дымки, колоски...

...Я вижу со сцены – к партеру
Сиянье... Жизель... Облака...
Отплыть на остров Цитеру,
Где нас поджидала че-ка.

Если выйти за черту города Монморанси, то можно обнаружить в его окрестностях немало трогательных следов старины. В полутора километрах от города, в деревушке Дёй, уцелели, даже и после военного обстрела, остатки очень старой церкви Святого Евгения. Некоторые памятники старины уцелели в деревне Сен-Брис-су-Форе. В трех километрах от города, в гуще леса, можно увидеть охотничий замок, в котором жилали короли. Дальше, в деревне Сен-При (Saint-Prix), сохранились старинная церковь, а также замок Террасы, который летом 1840 года снимал своей семье для отдыха Виктор Гюго. Как некогда в замке Рош, Гюго наслаждался обществом детей – с одним строил шалаш, с другим кормил кроликов, а то и просто любовался красотой подросшей Леопольдины. Но при этом обстановка была более спокойная, чем некогда в Роше, ибо пленительной Жюльетты Друэ на сей раз не было под боком, в соседней деревне. 14 мая 1840 года Гюго писал в письме старой приятельнице:

«Если бы можно было вернуть улетевшие годы, я хотел бы все начать заново с тех чудных летних недель, когда мы проводили упоительные вечера вокруг Вашего фортепьяно, а дети играли вокруг нас и Ваш милый отец всех согревал и все освещал вокруг».

В те минувшие годы Гюго казалось, что все у него впереди, все великие достижения. Его опьяняли посулы будущего. Но вот он обрел все и понял, что ничего не могло быть лучше тех дней, когда детки его росли, подавая надежды...

Проехав (или прошагав по лесу) еще два километра от Сен-При, мы попадем в Сен-Лё-ла-Форе (Saint-Leu-la-Forêt). Здесь, под каштанами, в окружении могучих деревьев прячутся целых два замка, один постарше, другой чуть поновей. Они высились еще и в начале XX века в местечке Сен-Лё-ла-Форе, то есть Святой Лё Лесной. Места эти издавна принадлежали принцам Конде, но в пору Революции были национализированы, а позднее, уже в эпоху Первой империи, были куплены братом императора, королем Голландии Луи Бонапартом и его женой королевой Гортензией, приходившейся в ту пору императору невесткой, и при том любимой невесткой. Всемогущая чета владела этими местами недолго, но успела снести самый старый из замков. А потом, как известно, в Париж вошла победоносная русская армия во главе с «белым ангелом» императором Александром I, и вот в один прекрасный весенний день 1814 года русский император посетил в Мальмезоне отставную императрицу Жозефину, с которой Наполеон развелся в 1809 году, поскольку она так и не принесла ему

наследника. Во время визита Александра I Жозефине было каких-нибудь пятьдесят и она умела быть вполне обольстительной. А в тот день она очень старалась. Во время ее прогулки по саду об руку с русским императором явилась ее дочь, бывшая по мужу королевой Голландии, Пармы и Пьяченцы, а может, и еще чего-нибудь, – королева Гортензия. Она была в полном расцвете своих тридцати лет... Гортензия и не заметила, как они остались наедине с императором Александром, и она так вспоминала потом в знаменитых своих мемуарах:

«...Было трудно начать разговор... в присутствии завоевателя моей страны... К счастью, эта неловкость длилась недолго.

Мы вернулись во дворец... Он уехал, и мать выбрала меня за мою холодность».

Император не заставил себя ждать, он вернулся в прекрасный Мальмезон очень скоро и приезжал туда не раз, и один приезжал, и с прусским королем, и с великими князьями Константином Павловичем и Михаилом Павловичем, и с будущим царем Николаем. Гортензия вспоминала позднее, что Александр говорил ей:

«Моя мать-императрица просто в ужас пришла, узнав, что мои братья в Париже. Она боится соблазнов, которые таят в себе француженки. Я со страхом посылал их сюда в Мальмезон».

Так что Мальмезон для Александра был полон соблазнов.

Великие князья, впрочем, сумели противостоять соблазнам, чего не могу сказать с полной уверенностью о самом императоре.

«...Молодые великие князья, – вспоминает Гортензия, – выделялись благородством своих манер... и своими гуманными чувствами. Им пришлось проехать через многие наши деревни, лежавшие в развалинах, и они рассказывали мне об этом со слезами на глазах...»

Визиты императора и его встречи с молодой королевой участились.

«Однажды он сказал моей матери, – вспоминает королева Гортензия, – что если б он думал только о своем благе, то предложил бы нам дворец в России, да только мы не найдем там такой красоты, как в Мальмезоне, и мое хрупкое здоровье не перенесет суровости тамошнего климата».

Русский климат, снег, Сибирь вообще составляли тогда вечный предмет салонных разговоров. Но для хрупкой уроженки острова Мартиника, ее матери, и французская весна 1814 года казалась слишком суровой...

Однажды под вечер они все трое гуляли по огромному парку Сен-Лё, близ замка Гортензии. Жозефина весело опиралась на руку последнего в своей жизни поклонника. Она не отказала себе в прихоти надеть воздушное, легкое платье, забыв, как коварна весна во Франции. Была только середина мая, и к вечеру похолодало. Счастливая эта прогулка оказалась для нее роковой. Вернувшись домой, в Мальмезон, она слегла, но еще вставала несколько раз, переодевалась и выходила к царственным гостям, с легкой руки Александра навещавшим ее. 27 мая русский император прислал ей своего врача. 28-го он обедал в Мальмезоне с Гортензией и ее братом. Он находился неподалеку от угасающей Жозефины... Она умерла 29 мая. Император приказал воздать ей все почести, какие положены усопшей императрице...

Он ходатайствовал перед крайне этим раздраженным Людовиком XVIII в пользу королевы Гортензии. 30 мая король подписал указ, отдававший ей во владение замок Сен-Лё и положивший ей пенсию в размере 400 000 франков в год.

У подножия южного склона холма Монморанси раскинулось на площади в сорок с лишним гектаров недвижимое зеркало вод (истинная редкость во Франции, небогатой озерами, да еще и, можно сказать, в парижском пригороде). А на берегу этого редкостного «моря» лежит прелестный курортный городок Энгийен-ле-Бен (Энгийен-на-Водах, он же Ангиен, он же Анген-ле-Бен, он же Анжен, в общем, что-то вроде Минвод). Собственно, до середины XIX века (еще точнее, до 7 августа 1850 года) это все называлось Монморанси, несмотря на многовековые попытки владельцев этих мест напрочь избавиться от имени

Монморанси и стать Энгиенами. Вы, может, еще не успели забыть, что род Монморанси угас в 1632 году, когда по приказу Ришелье был обезглавлен последний герцог Монморанси. При Людовике XIII владения Монморанси перешли к роду Бурбонов-Конде. И вот на протяжении двух столетий новые владельцы пытались избавиться от ненавистного названия и ненавистой памяти Монморанси, предлагая назвать владение Энгием. Однако всякий новый правитель, как назло, возвращал Монморанси его прежнее название. Людовик XVIII пошел навстречу бедным Конде, переименовав городок, но тут умер последний представитель рода Конде, и местные жители потребовали у короля-гражданина Луи-Филиппа, чтобы им вернули их прежнее гордое имя. Ну а в 1850 году был создан близ водной глади новый «сельсовет» (commune), его-то и называли Энгиемским, чтобы больше не было споров. Но еще и до этого административного акта в Энгиеме случилось чудо, которое способствовало процветанию этих Богом забытых мест. В 1788 году любознательный монморансийский священник отец Луи Котт обнаружил в одном из ручьев, впадавших в озеро (носившем малопозитивное название «Вонючий ручей»), изрядное содержание серы. Сообщение, сделанное отцом Коттом в Королевской академии наук, произвело сенсацию. В особое возбуждение пришел энергичный предприниматель Луи Гийом Ле Вейяр, который уже взял в свои руки железистые воды пригородного Пасси. Не теряя времени, Ле Вейяр приобрел у принца Конде концессию на эксплуатацию серных вод Энгиема и открыл здесь водолечебницу. Видимо, еще и до открытия лечебницы распространился слух, что воды Энгиема спасают от язвы. Воду стали продавать в бутылках, в нее окунались, ею полоскали горло. Еще лет тридцать спустя это процветающее предприятие перешло в руки парижского финансиста Пелиго, который поставил его на широкую ногу: расширил территорию водолечебницы, насверлил новых скважин и окружил озеро приятным променадом. Утверждали, что воды Энгиема исцелили от застарелой язвы самого Людовика XVIII, так что публика валила на курорт валом. При этом близость Парижа позволяла, укрепляя здоровье, не отрываться от дел, от друзей, от любовниц, от всей парижской суеты. Городок Энгием рос как на дрожжах, и это с восторгом отмечал один из завсегдатаев курорта Александр Дюма-отец:

«Озеро Энгием еще совсем недавно вовсе не было таким симпатичным озерком, столь тщательно причесанным, завитым и выбритым, как нынче... На его берегу не было ни окружной дорожки, ни готических замков, ни итальянских вилл, ни английских коттеджей, ни швейцарских шале».

Эмиль де Жирарден, основатель «Прессы» построил себе здесь замок, а Жан Ипполит Огюст Картье де Вильмесан, тот самый, что в 1854 году возглавил «Фигаро», и вовсе поселился в Энгиеме, которому обеспечил шумную рекламу.

В 1850 году Законодательная ассамблея дала Энгиему самостоятельность, прирезав к нему 135 гектаров, к которым вскоре были добавлены еще четыре десятка. Жить в Энгиеме стало особой привилегией. В летний сезон здесь праздник следовал за праздником, а к 1872 году влиятельный директор «Фигаро» получил наконец разрешение открыть здесь казино.

Процветание Энгиема приходится на Бель Эпок, а символом этого процветания стала уроженка Энгиема Жанна-Флорентина Буржуа, более известная под своим сценическим именем Мистенгет. Слава городка перешагнула границы Франции. В 1879 году здесь был открыт ипподром. В разгар сезона к пяти тысячам постоянных жителей прибавлялось ежедневно столько же приезжих: одни приезжали на воды, другие – в казино, третьи – на бега...

Перемены настигли городок уже в начале XX века. Закон 1907 года запретил все казино на сто километров вокруг Парижа. В 1914–1918 гг. в казино размещался госпиталь, и залы его открылись для публики только в начале 30-х годов (правда, не разрешали рулетку, но все же это было единственное казино в округе Парижа).

Озеро почистили в 50-е годы XX века, и теперь здесь ходят под парусом. Открыто полсотни современных залов водолечебницы. Ну а главное – прогулки, дорожки, зелень,

замки, хоть и не очень старые, но красивые. Впрочем, в соседнем Обонне (Eaubonne) можно увидеть и замки XVIII века. Энгинен стоит прогулки...

Романтический Санлис и лесные дороги

Санлис Крепи-ан-Валуа • Шаалис • Эрменонвиль • Ла-Гозль • Вемар

Конечно, в Санлис (Senlis) непременно надо съездить русскому страннику из Парижа – да и недолга нынче дорога, каких-нибудь полста километров. Ну а тому, кто уже добрался до знаменитого Шантийи, тому и вовсе грех не одолеть лишний десяток километров до Санлиса по северной оконечности леса, хотя бы уже и солнце клонится к горизонту. Вечером, кстати, Санлис особенно хорош. Я и сам, помню, попал сюда впервые четверть века назад под вечер, когда мягкий солнечный свет золотил стены дворцов и церквей этой «древней страны Валуа, где уже тысячу лет бьется сердце Франции» – так сказал об этих местах поэт Жерар де Нерваль. Он сказал, впрочем, лишь о тысячелетии, которое исчерпывало французскую историю городка, а ведь еще и за четверть тысячелетия до Рождества Христова было здесь поселение (как выражались римляне, оппидум) галльского племени сильванектов. Это уж потом укрепили город римские легионеры, это уж потом святой Риель окрестил здешних язычников и стал первым санлисским епископом. Историки особо отмечают тот факт, что был он византийским греком, а стало быть, пришел с Востока: с Востока свет.

В укрепленном городе Санлисе в 987 году внук Карла Великого Гуго Капет был избран на царство: отсюда пошла во Франции династия Капетингов.

В Средние века разрастались вокруг города виноградники, процветало здесь ткачество, жили в этом городке короли, строились и украшались дворцы, украшался королевский замок и непрестанно украшался, строился да перестраивался с самого X века знаменитый здешний собор Божией Матери, собор Нотр-Дам. На его суровом, раннеготическом западном портале скульпторы едва ли не впервые во Франции изваяли сцены Успения и Воскресения Божией Матери, и мотивы эти повторяли позднее мастера на порталах соборов по всей Франции многократно. Южный же портал собора создан был знаменитым Пьером Шамбижем только в XVI веке – в стиле «пламенеющей» готики, и нет в нем, конечно, мрачного величия ранней готики, как на главном портале, но зато есть узорчатость, игра фантазии, легкость. Ну а на северном портале можно разглядеть саламандру и букву F – знаки Франциска I. Собор строился, перестраивался, горел и снова отстраивался – с 1153 года аж до самого 1560-го, так что в архитектуре его великолепно представлены все течения готики Французского Острова.

**В РОМАНТИЧЕСКОМ САНЛИСЕ. КАФЕДРАЛЬНЫЙ СОБОР И РУИНЫ ЗАМКА,
ЧЬИ СТЕНЫ СЛЫШАЛИ ПОСТУПЬ АННЫ ЯРОСЛАВНЫ**

Бродя по узким, старинным улочкам за собором, можно увидеть великолепный епископский дворец, а чуть дальше – общежитие каноников, основанное еще в XI веке женой Гуго Капета Аделаидой и посвященное святому, жившему в ту глухую пору в лесах за Орлеаном. А чуть дальше была еще одна церковь XII века и, наконец, церковь Святого Петра с могучей ренессансной башней, фасадом в стиле «пламенеющей» готики (поздняя перестройка), того же стиля окнами, интересными фигурами на колоннах нефа...

Бродя по вечернему Санлису, я вышел в конце концов к королевскому замку, построенному на фундаменте старых римских укреплений. Замок был некогда резиденцией короля Хлодвиг, потом жили в нем короли династии Каролингов и династии Капетингов, и позднее – в XIV веке и в XV, до самого Генриха IV, – жили в этом замке французские короли.

В саду же близ замка – здание монастыря, основанного Людовиком Святым в XII веке. В настоящем корпусе ныне размещается музей псовой охоты, где наряду с орудиями и трофеями этого излюбленного некогда занятия собраны картины художников-анималистов и коллекция старинного дорожного снаряжения... Ненавижу охоту, прошел бы мимо, но влечет меня сюда призрак одной неистовой охотницы – о ней дальше...

А крепостные стены... Редко и в хранимой Господом Франции найдешь городок, где крепостные стены III века стояли бы в такой сохранности! Но на то он и Санлис, маленький романтический Санлис, что в нем найдешь еще и развалины галло-римских арен, и старинную богадельню, основанную чуть не Людовиком VII, а в лесу близ Санлиса – еще и остатки римского святилища, посвященного неким богам-исцелителям... Вот они, те самые древние, священные камни Европы, поклониться которым спешил сюда сам Достоевский (а приехав, лишь падал на колени в комнате отеля перед жестокой изменщицей или напрочь увязал в игорных домах – человек слаб).

Улицы тихого, провинциального Санлиса, богатого древними строениями, издавна снислись в добрых снах французским и заморским интеллектуалам. Бродил здесь Габриеле Д'Аннунцио, как и многие другие описавший Санлис в своей прозе. Году, вероятно, в 1924-м наезжал сюда и Хемингуэй (может, даже со своими коминтерновскими собутыльниками): во всяком случае, герои его «Фиесты» мечтают в поисках покоя вырваться наконец нечеловеческим усилием воли из угара парижских кабаков, поехать в Санлис, остановиться в «Большом олене» и походить по здешним лесам...

Что до меня, то я, побродив по залитому золотом закатного солнца Санлису, вышел наконец к месту, о встрече с которым мечтал еще и в России, – к фасаду аббатства Святого Винсента, перед которым стояла средних достоинств скульптура, изображавшая стройную молодую женщину с чудо-косами и долгожданной надписью «Анна Русская, королева Французская», а точнее, наверное, «Анна из России, королева Франции» (Anne de Russie...). Вечер добрый, Аннушка, вот и довелось встретиться... Конечно, русской эту киевлянку не всякий нынешний специалист по национальному вопросу согласится признать: все ж таки мама Ирина – чистая шведка, да и папа Ярослав, киевский князь, хоть и Мудрый, а, видать, варяжских кровей. Но, может, все же мудро поступили некогда местные скульптурные власти, обозначив просто – «Анна де Рюси», ибо тут-то оно главное и есть: сколько нам ни давай паспортов, скольким ни учи языкам сыздетства, мы «де Рюси», из России... Но и новые власти не оплошали. Новейшая надпись на пьедестале гласит нынче: «Анна из Киева». Совсем точно...

Как мы добрались сюда нынче через давший трещину железный занавес, это дело десятое, а вот как ты попала сюда, красавица наша Аннушка, без малого тысячу лет назад? Тоже, небось, не думала не гадала в девичьем тереме стольного града Киева. Судьба. Да еще и непростая судьба.

А было так. Овдовел в тесном и грязном городе Париже немолодой уже внук самого Гуго Капета французский король Генрих I, и не только что без жены остался, жена найдется, но и без законного сына-наследника, вот где беда... Умнейшие королевские советники решили срочно искать невесту, пока твердо еще на ногах стоит король, да вот где искать? Дошел, впрочем, до непролазно-грязного, но столичного Парижа, до острова Сите (на котором нынешний-то собор только еще строился), – дошел слух, что искать следует в отдаленном Киеве при дворе князя Ярослава Мудрого, девушки там хороши и крепки здоровьем (так, впрочем, и по сей день). Были уже европейские прецеденты. Будущий норвежский король, славный поэт и рыцарь Харальд Храбрый искал в Киеве руки Ярославовой дочери Елизаветы и, по обычаю галантно унижая себя в стихах, прилюдно жалился: «А меня ни во что ставит девка русская» (перевод стихов на сей раз не наш, а известного архитектора Львова). Венгерский же король Андрей сватался ко второй Ярославовой дочери. А тем временем созрела уже

и третья, круглолицая красавица Аннушка, посылайте, Ваше Величество, послов. Послали – и дело сделалось. Повезли шестнадцатилетнюю Аннушку через кишевшую разбойниками и прочим феодальным «беспределом» страну Европу в знаменитый ихний город Париж. А 19 мая 1051 года, на Троицу, Генрих и Анна венчались в соборе в Реймсе, хвала Богу, осталась запись, потому что не так уж многое нам от тех времен достоверно известно, а народ нынче все хочет знать достоверно, не доверяет простому сочинительству. Откуда-то все же известно, что невеста привезла с собой из родного Киева Евангелие на кириллице (но, конечно, не то, что хранится в Реймсе и что Петру Великому показывали как истинное, ибо то, как поняли поздней люди ученые, было куда новей), а также иконку с собой привезла православную (лицу себя надеждой, что были на ней изображены ее злодейски убитые дядя – святые Борис и Глеб). Что за свадьбой последовало, дело почти известное, как и то, чего ожидали от молодой королевы. Наверно, и она тревожилась – вдруг не выполнит предназначения, не окажется на высоте задач и требований. Сообщают, что она перешла в те тревожные месяцы в католическую веру и дала Господу (а Господь-то у нас один) обет, что ежели родит сына-наследника, то построит в Санлисе святое аббатство. Почему в Санлисе, тоже легко понять: там королевский был замок и там большую часть времени проводил двор, а не в тесном дворце на парижском острове Сите. В ожидаемый срок Анна произвела на свет сына-наследника, которого называли Филиппом. Долгих сорок семь лет правил этот Филипп во Франции, но похоже, ничем не поразил воображение историков и современников, разве вот тем, что произвел на свет энергичного Людовика VI. Батюшка его Генрих I не зажился, хотя Анна родила ему и второго сына, который, впрочем, умер совсем маленьким. А насчет аббатства в Санлисе королева Анна обет свой выполнила. В Санлисе королевская чета проводила много времени, и королева предавалась там радостям охоты: «как ради чистого воздуха, – объясняет старинный летописец, – так ради и развлечения этого, доставлявшего ей превеликое удовольствие». Ну а какой в точности Анна давала обет и какие при этом замаливала грехи, нам не известно, хотя и дошел до нас, уцелел трогательный средневековый текст, сообщавший, что часовня, положившая основание монастырю Святого Винсента, и впрямь построена была королевой Анной, которая наказывала каноникам-августинцам, чтобы «молились денно и нощно во искупление грехов короля Генриха, детей моих грехов, друзей моих грехов и моих собственных, дабы через это их, каноников, тщание предстать мне перед Господом без греха, без задоринки, как того желал Христос для своей церкви». О чем тут речь идет, о каких великих и малых прегрешениях, где ж нам с вами угадать через тысячу лет, однако кое-что донесли до наших дней не только что устные предания, но и пожелтевшие от времени записи. Скажем, в хартии об основании монастыря Святого Винсента, перечислив все достояние, которое она монастырю отдает, в таких словах объяснила королева свое намерение:

«Сердце мое отважилось наконец на воздвижение этой церкви во имя Христа, чтобы приобщиться мне в качестве одного из членов его небесному сообществу, спаянному одной верою во Христе, оттого и был отдан мною наказ воздвигнуть для него церковь во имя Святой Троицы, Девы Марии, Предтечи Господа и Святого Винсента-Мученика».

Освящение церкви имело место в присутствии королевы Анны 29 октября 1069 года, и надо отдать монастырю должное: и братия, и летописцы церковные долго сохраняли добрую память о киевлянке-королеве, потому что и семь веков спустя, до самой богохульной революции, каждый год 5 сентября, в годовщину ее смерти, служили здесь по ней торжественную мессу, после которой настоятель монастыря приглашал восемнадцать самых убогих и сирых вдовиц города Санлиса на поминальный обед. Но если день смерти королевы нам ведом, то год ее смерти остается неизвестен. В последний раз имя ее упомянуто в документах в 1075 году (еще не было ей сорока). О том, впрочем, что случилось в ее бурной жизни до этой даты, нам хотя и без ценных подробностей, а все же известно. С 1059 года, в кото-

ром отдал богу душу король Генрих I, Анна управляла Францией как регентша при малолетнем сыне-наследнике. Все тогдашние королевские грамоты ими подписаны совокупно: «Рекс кум матре суа Регина», то бишь «король с матушкой своей королевой». Сохранился от тех времен даже автограф – кириллицей: «Анна реина». Одетая после смерти мужа, как принято, в белые траурные одежды (отчего и звали вдову «белой королевой»), несла 23-летняя красавица киевлянка все бремя вдовства и правления. А потом случилось событие вполне в духе того романтического и безжалостного века. То ли на охоте, то ли во время мирной прогулки в саду (поди теперь узнай точно) похитил молодую вдову-королеву Ея Величества Королевы могучий вассал граф Крепи, Рауль Валуа. Другие, впрочем, источники называют его Рауль II де Перрон, а третьи и вовсе – Рауль III Великий. Если верить не слишком друг с другом согласным старинным хроникам, был он человек умный и храбрый, однако без меры тщеславный, вероломный, беспринципный и безжалостный. Часто вел он жестокие войны, побежденных врагов облагал тяжким налогом, а город Верден (уже и тогда многострадальный) за неуплату каких-то ничтожных 20 ливров предал огню. Был он непокорен, строптив, с самим сюзереном, королем Генрихом I, не раз бывали у него стычки. Женат был уже вторично, и каждый брак умножал его состояние, а знаменитый его замок Крепи был неприступен. Первым браком сочетался он с богатой Адалаис, которая недолго прожила в браке и отдала богу душу. Если еще обнаружится, что помог он ей перейти в лучший мир, вряд ли это открытие кого удивит. Вторым браком женился он на своей родственнице Хакане (которую иные из старинных источников называют Алинор). И вот вскоре после смерти сюзерена, своего короля, умыкнул он при живой еще второй жене вдовствующую королеву, запер у себя в замке и заставил какого-то бедолагу священника их обвенчать. (Впрочем, немного до нас дошло подробностей про чрезвычайное это событие и про чувства славной нашей землячки; думается, не соблазнил ли он красавицу королеву еще раньше, во время лихой охоты? Он мог.)

Брошенная жена Рауля бедная Хакане пожаловалась архиепископу Реймса, и тот в послании папскому престолу донес святейшему отцу, что малолетний король Франции в горе и в замешательстве и что скорбит покинутая Раулем законная жена. Папа Александр II в гневе отлучил графа Крепи от церкви, хотя бедную вдову-королеву, вдову-разлучницу пощадил (может, больше нашего было известно Риму). Однако энергичный граф Крепи не опускал руки – энергично доказывал всем и всякому, что брошенная Хакане была наказана им за неверность. Кроме того, он доказывал, что приходилась она ему слишком близкой родственницей, так что брак их не был угоден Богу. До поры до времени, как и многим в ту пору, такое родство не слишком мешало соединяться в браке, но церковь к устаревшему этому (хотя и нередкому) кровосмешению относилась со строгостью. Так что в конце-то концов (не мытьем, так катаньем) добился энергичный и всемогущий граф папского разрешения узаконить его брак, потому что доподлинно известно, что уже в 1063 году присутствовал граф с новой своей супругой и со всем королевским двором на торжествах в Суассоне. Стало быть, узаконил. Тринадцать лет прожила Анна в браке с графом Крепи и родила ему нескольких сыновей и дочек. Он покинул нашу грустную юдоль многобрачия в 1074 году, Бог ему судья, но ведь и ее следы теряются где-то году в 1075 – куда она-то исчезла, нестарая еще женщина? Иные из историков считают, что вернулась она, вторично овдовев, в родной Киев. Другие историки (в том числе и наш Карамзин) находят эту версию сомнительной. Что могла искать на забытой родине королева-католичка? К тому же шла уже в те времена в Киеве кровавая междоусобица... Но откуда нам знать? Может, именно в такую пору и потянуло ее на родину неудержимое беспокойство души?

В дарственной королевской грамоте, оставленной в пользу аббатства Клуни (был я там однажды во время своих странствий и долго толковал с симпатичным монахом из монастырской лавки о романе... Солженицына) и подписанной сыном Анны королем Филиппом

И в 1079 году, отыскал я такую фразу: «Сей дар приношу я для отпущения моих грехов, а также грехов отца моего и моей матери, а также моих праотцев».

Может, ничего не значит эта фраза, обычная формула, да и кто из нас без греха. Но может, и впрямь сын темпераментной этой киевлянки, жившей в начале минувшего тысячелетия в городе Санлисе и в Крепи-ан-Валуа, может, насчитал он в лоне семьи немало грехов, отчего и сам вознамерился уйти в монастырь в конце длинного своего царствования. Он бы и ушел, если б не промедлил слишком, как все мы медлим, с исполнением главного и если б жизнь его не оборвалась внезапно. А все же хоронили его, как он завещал, в рясе бенедиктинского монаха. В том же завещании просил он похоронить его в аббатстве на Луаре, в Сен-Бенуа-сюр-Луар, ибо лежать в знаменитой королевской усыпальнице в соборе Сен-Дени, где другие лежат короли, считал себя недостойным. «Боюсь, – писал он, – что за грехи мои могу даже отдан быть дьяволу».

Однако в том же завещании он выражал надежду, что святой Бенедикт, с высоты своей снисходительности взирающий на грешников, примет и его со свойственным ему милосердием.

Еще дальше в покаянии своем и страхе Божиим пошел сын киевлянки Анны от графа Рауля Крепи, прозванный Симоном. Помирившись с братом своим единоутробным, королем Филиппом, отправился он в нелегкое странствие в Рим, а потом, дав обет и надев грубое монашеское одеяние, удалился в монастырь среди Юрских гор. Еще позднее совершил он паломничество в Святую землю, а умер в 1080 году в Риме и был приобщен к лику святых.

Попадете в Киев, приглядитесь к фреске XI века на стене Софийского собора: там изображено все семейство Ярослава Мудрого, так вот вторая слева, юная, круглолицая, это она и есть, многогрешная Аннушка... Но только до Киева нам теперь далеко, а раз уж попали в этот древний и такой тихий, провинциальный Санлис, не след нам из него спешить – побродим по узким его улицам, богатым старинными дворцами, вроде дворца Кермонта (XVIII век) на площади Жерара де Нерваля, XVI века дворца Перзевалея или Фламандского дворца на улице Кордильеров. К югу от площади Крей видны III века галло-римские арены, вмещавшие некогда до десяти тысяч жителей... Как бы забытый последними всплесками шумной цивилизации дремлет тихий этот Санлис, оставленный на радость сбившимся с пути любителям старины...

Конечно, история королевы-киевлянки может завлечь путника и в недалекий отсюда Крепи-ан-Валуа (Crépy-en-Valois), в старых кварталах которого среди зданий XV и XVI веков еще можно видеть башню Валуа и все, что осталось от старинного замка, который строился в X и XI веках. К той же эпохе относится и аббатство Святого Арнульда, основанное здесь в самом начале XI века, дабы упокоить в нем реликвии святого епископа Турского, перенесенные в Крепи еще в середине X века...

Главное место в нынешнем замке Крепи занимает экспозиция, рассказывающая об истории стрельбы из лука. Все это, впрочем, лишь смутно напоминает о королеве-охотнице из стольного Киева, жившей здесь так давно.

В окрестностях Санлиса немало романтических лесных уголков, замков, развалин.

А двинувшись от Санлиса к юго-востоку по 330-й дороге, попадаешь в страну замечательных лесов, парков и, что уж вовсе неожиданно, песков.

Рядом с городом стоит в парке замок времен Директории – Вальженсёз. В середине XIX века его хозяйка маркиза де Глак принимала у себя Альфреда де Виньи и Александра Дюма, который описал этот замок в одной из повестей. Чуть дальше, за оградой, увитые плющом руины аббатства ла Виктуар, Победы, его и впрямь основал король Филипп-Август в честь своей победы при Бувине (1214 год). В аббатстве этом часто жил король Людовик XI, начавший здесь строительство новой церкви (еще лежат ее живописные руины).

В десятке километров юго-восточнее Санлиса, среди леса, близ берегов речки Онет, питавшей своими водами монастырские пруды, лежали некогда обширные владения бенедиктинского аббатства Шаалис. Около 1200 года здесь был воздвигнут один из первых готических храмов Иль-де-Франс. Нынче в густой зелени парка видны руины собора, аркады прогулочного дворика, остатки залы капитула. В уцелевшем монастырском здании XVIII века размещается нынче музей Жакмар-Андре с коллекцией произведений Древнего Египта, римских мраморных скульптур, живописных примитивов, произведений Средних веков и эпохи Ренессанса. Есть в музее и несколько памятных предметов, напоминающих о похороненном неподалеку отсюда Жан-Жак Руссо.

Еще в те времена, когда монахи-бенедиктинцы решили начать в этих местах расчистку леса, на поверхность вдруг проступили пески бывшего моря. Нынче двадцать гектаров этого «песчаного моря» превращены в парк аттракционов, в котором тешатся не только дети, но и взрослые. Кроме парка аттракционов, здесь есть и зоопарк.

Впрочем, тех, кто настроен не только по-отпускному спортивно, но и вполне романтически, манят в эти места тенистые дорожки одного из самых красивых пейзажных парков Франции, носящего имя Жан-Жака Руссо, манят Эрменонвильский лес и деревня Эрменонвиль (Ermenonville). Жан-Жак Руссо приехал сюда в конце жизни по приглашению его почитателя маркиза Рене-Луи де Жирардена и поселился в доме посреди парка. Здесь философ выращивал цветы, плавал в лодке, гулял по дорожкам великолепного английского парка (устроенного по рисункам Юбера Робера), но, прожив чуть больше месяца, скоропостижно умер 2 июля 1778 года. Хозяин усадьбы похоронил философа на Тополевом острове, в самом сердце здешнего парка. Могилу эту (пустую ныне, конечно, ибо 16 лет спустя прах философа был перенесен в Пантеон) посещали Сен-Жюст, Робеспьер, Наполеон и великое множество менее кроважанных, хотя и не менее знаменитых паломников.

Романтически настроенный нынешний пилигрим посетит в Эрменонвиле и Храм Философии – одно из самых знаменитых здешних парковых «строений» («fabriques»), доисторический грот, алтарь Мечтаний, ручьи и водопады, а может, и дальше углубится в лес, где все три тысячи гектаров романтической красоты размечены вполне практическими и полезными пешеходными маршрутами. Гуляйте, гуляйте, укрепляйте сердце и не спешите вслед Жан-Жаку...

Лес Эрменонвиль граничит с лесом Понтарме и лесом Шантийи. А юго-западнее Эрменонвиля, в долине Морфонтэн, лежит парк де Вальер, многочисленные пруды которого, вырытые монахами из аббатства Шаалис, вдохновляли художника Камиля Коро и поэта Жерара де Нерваля, который провел здесь детство. Парк де Вальер был устроен в XVIII веке президентом парижского парламента Ле Пелетье. Над гладью здешних прудов красовались модные парковые «строения». Усадьбу эту купил в конце XVIII века Жозеф Бонапарт, потом она перешла в руки наследницы Конде баронессы Фёшер, которую Жерар де Нерваль воспел под именем Сильвии...

Дальнейшее наше путешествие на юг от Эрменонвиля тоже будет небезынтересным. Здесь между Французской равниной и Мюльтийскими просторами Бри вклинилась страна Ла Гоэль (La Goële), не слишком хорошо знакомая даже и французам, хотя она находится в каком-нибудь получасе езды от Парижа. Многим ли знаком маленький Дамартен-ан-Гоэль (Dammartin-en-Goële), в котором уже и в Средние века звонили колокола четырех церквей? Из двух ныне уцелевших церквей особенно интересна церковь Нотр-Дам, сильно пострадавшая от Столетней войны, но восстановленная уже в 1480 году, – с могучим западным порталом в стиле «пламенеющей» готики. Стены церкви украшены резьбой по дереву XVII и XVIII веков. Самым замечательным творением в церкви называют кованую железную решетку XVIII века, при создании которой местный мастер, как считают, вдохновлялся

решеткой с площади Станислава в Нанси. Полагают также, что решетка была заказана Марией Лешинской.

Знатоки и поклонники французской литературы могут сделать небольшой крюк, не доехав до Дамартена и свернув возле Отиса на запад по 26-й дороге. Проехав Мусси-ле-Нёф, где стоят ренессансная церковь и часовня старинного аббатства XII века (превращенная, впрочем, в амбар), попадут они в старинный Вемар (Vémar), где сохранилась церковь XIII–XVI веков. К удивлению его французских поклонников, знаменитый писатель, лауреат Нобелевской премии Франсуа Мориак именно Вемар выбрал местом последнего упокоения, – Вемар, землю своей супруги, а не землю предков, излюбленный Малагар, который он унаследовал в 1927 году. Мориак сам рассказывал об этом своем сделанном заранее выборе:

«Среди этого пейзажа Валуа лето лишь беспокойный придаток весны и осени... Между весной и осенью в этой стране Валуа, где всего-то и бывает три сезона, я изберу свое обиталище... Сад Вемара дарит чудесную свежесть, мир и одиночество – и всего в сорока минутах ходьбы до авеню Теофиля Готье. Кладбище – близ ворот, и я попрошу вырыть там для меня могилу».

Знатоки Мориака, ища объяснение этому выбору (отчего же не в краю Жиронды, описанном в знаменитых книгах Мориака?), находили его в такой записи, сделанной писателем в 1946 году:

«Я решил, что мне нечего больше ожидать от этих моих возвращений на родину. Малагар стал для меня устрашающим после смерти последнего из братьев». Сын писателя подтверждает и этот страх отца перед воспоминаниями, и страх перед жарким летом Жиронды, и привязанность к мягкому климату долины Уазы, к пейзажу, который открывался из окна его кабинета в верхнем этаже замка де ла Мот в Вемаре. Во время войны Мориак, живя в Вемаре под именем Форе, написал знаменитую «Черную тетрадь» и напечатал ее в Париже, то есть был «резистантом». Здесь он написал первую передовую статью для «Фигаро», прославлявшую в дни Освобождения генерала де Голля, который затем пригласил писателя на обед в Елисейский дворец. В 1952 году в Вемар пришли первые телеграммы, поздравлявшие Мориака с Нобелевской премией. Зимой 1970 года (в год своей смерти) Мориак еще диктовал жене последний роман, который он не закончил (ему было 84 года). Местный муниципалитет купил этот замок, который сам Мориак в письме Прусту назвал когда-то «бонбоньеркой времен Второй империи», и открыл там скромный музей, который находится под покровительством ассоциации «Франсуа Мориак в Иль-де-Франс».

Одна из дочерей Франсуа Мориака вышла после войны замуж за молодого князя Ивана Владимировича Вяземского. В 1948 году у них родилась красавица дочь Анна, которая в ранней молодости снималась в кино, будучи замужем за знаменитым режиссером-маоистом Ж.-Л. Годаром, а потом стала писать романы. Один из последних романов Анн Вяземски (о судьбе ее русского дяди-помещика) был удостоен премии Французской академии. Вполне вероятно, что писательница напишет еще и воистину великие романы – в любом случае высокие литературные почести этой красивой внучке самого Мориака просто гарантированы незыблемой французской традицией.

От Вемара те, кто спешат домой в Париж, могут выехать на автостраду A1 и тем почти завершить долгое путешествие. Но самые любопытные могут вернуться в Гоэль, в Дамартен. Вся эта местность – к югу и к западу от Дамартена – богата памятниками старинной (XII–XV веков) архитектуры, а столицей ее является, пожалуй, Нантуйе, где стоит до сих пор кирпичный замок, строго выдержанный в стиле раннего Ренессанса и принадлежавший хозяину здешних мест, бывшему воспитателю, а позднее советнику короля Франциска I Антуану Дюпра. Несмотря на все повреждения и утраты, замок, как считают знатоки, сохраняет гордую и даже надменную осанку. Смерть и похороны его воспитателя, советника и прелата принесли славному королю Франциску I не только горечь утраты, но и горечь разочарова-

ния: в замке были обнаружены 800 000 эю, уворованных из казны. Помолившись о душе алчного прелата в прекрасной церкви XII века в селении Сен-Мем, устремимся к Парижу в обход самого шумного парижского аэропорта...

От Санлиса через Компьень – в гости к Дюма и Расину

Компьень Пьерфон • Морьенваль • Виллер-Котре • Ла-Ферте-Милон

Северо-восточнее Санлиса раскинулся один из самых обширных и живописных лесов Франции – Компьенский лес, окаймленный с севера холмами, пересеченный ущельями и оврагами, по которым бегут ручьи, возносящий к небу могучие кроны буков, дубов и грабов. Некогда дикие звери водились здесь в изобилии – может, это и завлекло на северо-западную оконечность леса, на левый берег Уазы страстно любивших охоту величеств и высочеств. Так или иначе, при въезде в нынешний город Компьень (Compiègne) путника еще на дороге встречает гордая надпись – «Город королей и императоров». Поскольку время королей и императоров во Франции минуло, дотошный историк добавил бы, что это был также город мук и страданий, «исторических ошибок» и всего прочего, без чего не пройти старинному городу через столетия, однако, может, гордый здешний «горсовет» отметил в придорожной надписи главное, ибо, где бывали короли-императоры, там трудились и подкармливаемые величествами художники, архитекторы, поэты, там остались памятники для потомков.

Собственно, Компьень – город уже пикардийский, но жаль было бы упустить такой город и такой лес в каких-нибудь восьмидесяти километрах от столицы, близ берегов Французского Острова. При всем уважении к королям, надо отметить, что историю этого города можно уследить и раньше появления Их Величеств на здешней арене (и в неолитическую, и в галльскую, и в галло-романскую эпохи), однако внятно история поселения обозначена примерно с VI века нашей эры. Город тогда назывался Компендиум, первыми из королей-охотников появились здесь короли Меровингской династии. Бывали здесь и Дагобер, и Хлодвиг III, и Хильдебер III. Потом вкушали здесь радости охоты Каролинги – Пипин Короткий, Людовик Благочестивый, наконец, Карл Лысый, который вообще мечтал превратить Компьень в мировую столицу наподобие Константинополя и для начала основал здесь аббатство, которому передал множество священных реликвий. Количество этих даров умножила и обитавшая здесь Матильда Английская. При Карле Лысом оживилась тут не только религиозная, но и политическая, и экономическая жизнь, расцвела торговля, стали устраивать ярмарки. Капетинги тоже любили город и осыпали его благодеяниями. Филипп-Август расширил права горожан и окружил город оборонительными стенами. Людовик Святой построил тут больницу.

Потом на город обрушились невзгоды Столетней войны. Жанна д'Арк в первый раз останавливалась в городе с Карлом VII после его коронации, но позднее именно здесь, придя на помощь городу во время осады его бургундцами, попала в плен к солдатам Иоанна Люксембургского, который и продал ее в конце концов англичанам.

Компьень пережил расцвет при Бурбонах, особенно при Людовике XIV и Людовике XV, когда в городе были построены новая больница, новый мост, замок Габриэля. Зато уж в романтические дни Великой революции город подвергся и варварскому разграблению, и небывалому осквернению своих святынь.

Первая империя постаралась вернуть городу прежний блеск и престиж. В отстроенном замке Наполеон I принимал в 1810 году будущую императрицу Марию-Луизу. Позднее, в 1814 году, город оказал упорное сопротивление прусской армии, но в конце концов взят был союзниками.

И позднее высокие особы жаловали Компьень своим присутствием. Король Луи-Филипп (в пору так называемой Июльской монархии) выдавал здесь старшую дочку замуж за бельгийского короля. Что же до императора Наполеона III и императрицы Евгении, то они неизменно проводили тут часть осени и приглашали сюда на отдых многих видных людей

Франции. Понятное дело, город в связи с этим разрастался, строились вокруг замка новые богатые дворцы-«отели», и только с падением империи (1870 год) забытый высокими особами город приходит в запустение, а грядущий XX век влечет за собой новые беды. Главные начались, как известно, в 1914 году, когда в город вторглись немцы. Немцы вторгались сюда и вторично, но зато именно в Компьенском лесу подписано было в 1918 году перемирие, положившее конец самой страшной, наверное, в истории Франции войне (и неразумно посеявшее семена новой). Франция гордилась тогда победой, но это не было концом ее бед. В июне 1940 года город подвергся страшной бомбардировке (разрушено было до полтысячи прекрасных домов), а 22 июня 1940 года на той же самой (по настоянию Гитлера) поляне Компьенского леса, где в 1918 году было подписано торжествующей Францией первое (столь позорное для Германии) перемирие, было подписано новое, для Франции вполне позорное. Впрочем, несмотря на постыдность этого перемирия, оно избавило почти не воевавшую Францию от тысячи бед, пережитых другими странами Европы. Разумно ли было сдаться и сотрудничать с немцами, не мне судить, хотя думается, что даже забывчивыми французами позор этой капитуляции не изжит полностью...

В войну Компьень славился разве что своим пересыльным лагерем «Фронт-Сталаг 122», откуда евреев и «резистантов» отсылали в другие лагеря и тюрьмы, часто в лагеря смерти. Однако и это почти забыто. Думаю, что русский путник окажется менее забывчив и остановится в Компьене на скрещении парижской дороги и улицы 67-го пехотного полка, в знаменитом Руальё, где и размещался пересыльный лагерь (о нем немало писали его уцелевшие узники, а мне о нем рассказывал герой Сопротивления, сын бывшего врангелевского премьер-министра И.А. Кривошеин).

22 июня 1941 года, через несколько часов после превентивного (или, как принято было писать, «вероломного») нападения на лихорадочно готовившуюся к войне сталинскую Россию, нацисты свезли сюда, по одним источникам, три сотни, по другим – до тысячи (по сведениям ненадежной Берберовой – всего 120 и все как есть масоны) русских эмигрантов, самых видных эмигрантских деятелей (среди них было, конечно, немало и масонов, и евреев, но были среди них и православные, были и мусульмане). Несмотря на все смятение и горечь, некоторым из пожилых русских заключенных атмосфера этого разномастного сборища (здесь были и монархисты, и эсеры, и коммунисты, и беспартийные, и верующие, и атеисты) напомнила их молодые петербургские годы, былые студенческие сходки, споры между единомышленниками, между политическими противниками, аресты. «У нас в Компьене, – писал позднее мусульманский лидер эмиграции Мустафа Чокаев (Чокай-оглы), – на открытом воздухе устраивались замечательные лекции, политические диспуты». В лагере был создан даже «Народный университет Фронт-Сталаг 122», который выдавал своим слушателям и преподавателям грамоты за подписью собратьев по лагерю и бараку (как стали говорить позднее, соллагерников). Уцелели две такие грамоты, выданные в «университете» профессору Дмитрию Михайловичу Одинцу, преподававшему до войны в Сорбонне и долгие годы возглавлявшему общественный совет Тургеневской библиотеки. Позднее Д.М. Одинец стал главой «Союза советских граждан», выпускал советскую газету и был (по вполне понятным и более не тайным причинам) выслан в марте 1948 года из Франции в советскую зону оккупации Германии, а оттуда был допущен в СССР. Он еще успел прожить два года в Советском Союзе (в Казани: в Москву и Ленинград его не впустили), где преподавал в университете, болел и вскоре умер. На грамотах, подаренных Д.М. Одинцу, можно разобрать подписи и лагерные номера, свидетельствующие о том, что русских заключенных было не 120 (как сообщает Нина Берберова), а больше тысячи, ибо есть номера 1059, 1135, 1244...

Человек, хотя бы поверхностно знающий историю русской эмиграции, без труда опознает знакомые имена и фамилии. Во главе длинного списка – подпись князя Романовского-Красинского (лагерный номер 119), сына балерины М.Ф. Кшесинской. Князь Вла-

димир Романовский-Красинский (которого шутливо называли «Вово де Рюси») был одно время номинальным парижским лидером партии «младороссов», беглый «Вождь» которой (А. Казем-Бек) после неудавшегося союза с итальянскими и немецкими фашистами нашел (еще до войны) путь в советскую разведку. Может, этим и объяснялись арест и недолгое заключение князя. Возможно, что и заключение в лагерь подписавшего «грамоту» графа Петра Андреевича Бобринского тоже объяснялось его былой принадлежностью к партии «младороссов» и масонской ложе. Бобринские вели свой род от Екатерины II и Григория Орлова. Граф Петр Андреевич был поэтом и журналистом, сотрудничал позднее в «Возрождении» и «Вестнике РСХД». После смерти графа его вдова М.Ю. Бобринская (урожденная Трубецкая) издала сборник его стихов...

А вот подпись художника Юрия Черкесова. Потомок декабриста Василия Ивашева, он был женат на дочери Александра Бенуа, учился у Петрова-Водкина, в эмиграции оформлял книги, писал пейзажи, выставлялся в Салоне независимых, в Осеннем салоне, в Тюильри; на парижской Всемирной выставке 1937 года он получил золотую медаль за гравюру «Песнь песней». После Компьена сорокалетний Юрий Черкесов впал в депрессию и покончил с собой.

Живописцем и художником кино был оставивший свою подпись на «грамоте» Савелий Шлейфер (лагерный номер 163), художником театра и кино – Янкель Гатковский (№ 1055); эти двое на свободу уже не вышли, поскольку были евреями и должны были умереть. В иерусалимском музее Яд ва-Шем из ранних документов о Компьене уцелел «Отчет о 1500 евреях, арестованных в Париже в декабре 1941 года и отправленных в лагерь Компьень».

Среди подписавших «грамоту» Одинцу – имена микробиолога Сергея Чахотина, адвоката Израиля Кельберина (отца поэта), ближайшего помощника матери Марии в «Православном деле» Федора Пьянова, молодого писателя Виктора Емельянова, автора знаменитой повести о собаке Джим, графа Сергея Игнатьева, брата советского разведчика А.А. Игнатьева и бывшего мужа актрисы Е. Рощиной-Инсаровой (в общем, не одни только масоны и евреи были в лагере).

В одном из барачков лагеря, превращенном в православную часовню, 30 сентября 1941 года отец Константин Замбрицкий крестил по православному обряду видного деятеля российской эмиграции, историка, редактора (в частности, одного из четырех редакторов журнала «Современные записки»), журналиста, мецената и политика, друга Буниных и Набокова Илью Исаевича Фондаминского. Фондаминский отказался от предложенного ему побега и ушел в газовую печь Освенцима, не желая покидать товарищей по несчастью, которых угораздило родиться евреями.

В здешнем лагере поэтесса и героиня-монахиня мать Мария в последний раз видела своего юного сына Юру Скобцова и своего сотрудника отца Димитрия Клепинина. В компьенском пересыльном лагере отец Димитрий рукоположил Юру в диаконы. Оба погибли в нацистских лагерях.

Позднее Компьень действительно служил преимущественно для пересылки евреев в лагерь смерти. Впрочем, иным из них не суждено было добраться до печей крематория. В книге Кристиана Бернадага «Поезд смерти» (Париж, 1970) рассказано, как 2 июля 1944 года более двух тысяч евреев были погружены в Компьене в эшелон № 7909. Страшная жара (34 градуса), товарные вагоны переполнены, воды нет... По прибытии эшелона в лагерь выгрузили 536 трупов. В книге приведены списки умерших и выживших в пути...

После войны в маленьком Компьене, лежащем на скрещении дорог, стали появляться предприятия пластмассовой, химической и фармацевтической промышленности. Но конечно, не они могут завлечь в Компьень клиентов самой могучей из отраслей французской индустрии – туристической. Иными словами, нас с вами пластмассой ни в какой Компьень не заманишь. К счастью, в императорском городе, несмотря на все передраги, уцелели не

только реликвии военной славы (вагон Перемирия, правда, пришлось заново изготовить), но и прекрасные архитектурные памятники прошлого. Начать можно с чудом уцелевшего прелестного здания городской мэрии, построенного аж в 1502–1510 годах, в период поздней готики. Конечно, за истекшие полтысячи лет (и особенно интенсивно в первые три столетия его жизни) здание это достраивали, перестраивали, украшали и реставрировали, но, так или иначе, даже нам с вами, уже избалованным французской архитектурой странникам, здесь есть на что полюбоваться – на фасад с башенками, на балюстраду, на окна, на многочисленные статуи (каких тут только нет персонажей – и Карл VII, и Жанна д'Арк, и святой Реми, и Людовик XI, и Карл Великий...). А над ними – красивые люкарны и элегантная башенка со шпилем, с часами XVI века и колоколом 1303 года – все старое без обману.

Внутри мэрии – музей исторических фигурок (97 000 штук) в военной униформе всех мыслимых стран и родов войск, а также диорамы, воспроизводящие все великие битвы, будь они неладны.

В мэрии есть муниципальная библиотека, насчитывающая две сотни рукописей и вдобавок 1200 книг об одной только Жанне д'Арк. И тут же – пышные залы, с редкой мебелью (вон тот стол, говорят, смастерил сам Гужон для самого Генриха II), картинами и скульптурами...

Это еще далеко не все сокровища мэрии, а уж в городе их и того больше. Скажем, XIII века церковь Святого Иакова (Saint-Jacques-le-Majeur), построенная по заказу Бланш Кастильской, – каких только сокровищ искусства не скопилось в ней за века! Интересна также XIII века, но с ренессансным фасадом церковь Святого Антония...

На улице Сен-Корней можно увидеть руины очень старого аббатства Святого Корнелия, да и вообще в этом городе и старинных памятников, и романтических руин множество. Но конечно, в императорском-то, королевском городе прежде всего хочется увидеть королевский замок, где каждый метр покоев и коридоров хранит отзвуки Высочайшей поступи (в сочетании, впрочем, с отзвуками вполне низких поступков). До нас дошел замок, достроенный и перестроенный в середине XVIII века замечательным архитектором того времени Жак-Анжем Габриэлем, тем самым, что строил в Версале Малый Трианон и чудную площадь Согласия в Париже. Ограниченный стенами старого укрепления и рвами, комьенский замок поневоле принял треугольную форму, но знатоки архитектуры отмечают непрерывность его линий, выдержанную прекрасной колоннадой, стройность его фасада и гармонию всего замкового ансамбля, довольно строгого, особенно в сравнении с императорской роскошью внутреннего убранства. Замок был воздвигнут на месте бывшего меровингского дворца по приказу короля Людовика XIV, и строительные работы не прекращались четыре десятилетия, до самого начала Революции, во время которой замок был, понятное дело, разграблен, затем превращен в больницу (для народной больницы чем хуже разор, тем лучше), а позднее в нем разместились Школа искусств и ремесел...

Восстанавливать замок начал счастливо обретенный Революцией император – Наполеон I (его императорские ансамбли и апартаменты вполне роскошны), а продолжил эти труды император Наполеон III. В годы Второй империи замок был окружен новой галереей, а уж после Второй мировой войны здесь был открыт музей для широкой публики, которая может проникнуться должным уважением к власти, гуляя по роскошным апартаментам императоров, императриц, короля Рима (младенца) и принцев, проходя по галереям, по музыкальному салону, по залу для игр и даже стоя в часовне. Можно отметить, что далеко не все апартаменты достаточно хороши, иные из них оставляют желать лучшего. При виде их невольно вспоминается, что, прибыв 29 апреля 1814 года в Компьень с визитом к возвращенному из ссылки королю Людовiku XVIII, русский император, Царь-Победитель Александр

I, осмотрев предоставленные ему королем для ночлега апартаменты, остался ими недоволен и велел немедленно приготовить экипажи, чтобы отбыть обратно в Париж, едва отобедав. Русский гость убедился, что привезенный из лондонской ссылки его послом, верным корсиканцем графом Поццо ди Борго, новоявленный король поспешил занять для себя все лучшие апартаменты в замке. Да и поведением своим во время обеда новый Бурбон никак неучтивости своего жеста не загладил. Эту странность королевского поведения русский император (как донесла до потомков графиня де Буань) тут же отметил с вполне оправданной обидой: «Король ведет себя так, как будто это он восстановил меня на троне, а не наоборот». Русский император и далее продолжил свои меткие наблюдения над Бурбонами, отметив, что «они ничему не научились». Может, это с той поры слово «бурбон» и имеет в русском тот полупрезрительный привкус, которого оно даже в суперреспубликанском французском не имеет («Прихожу я в кабинет, а там сидит какой-то бурбон...»).

Бестактность последнего из Бурбонов, была полвека спустя заглажена сыном обласканной нашим Александром I королевы Гортензии, императором Наполеоном III, который совершенно по-царски принимал в Компьене сестру русского императора Александра II герцогиню Марию Лейхтенбергскую.

В 1901 году французский президент принимал в том же компьенском замке российского императора Николая II, где у последнего состоялось свидание с лионским магом-исцелителем Низье Филиппом, которого император пригласил в Царское Село для наблюдения над беременностью императрицы. Полагали, что всесильный маг поможет рождению наследника, а все кончилось выкидышем, и, несмотря на расположение к нему царственной четы, лионскому экстрасенсу (восстановившему против себя сильную партию при дворе) пришлось вернуться на родину (можно, впрочем, надеяться, вернулся он не с пустым карманом).

Надо сказать, в Музее Второй империи, который размещается тут же в замке, можно увидеть множество экспонатов, так или иначе связанных с Россией. Равно как и в музее исторических фигурок, что разместился в компьенской мэрии, где фигурки эти среди прочего представляют Бородинское сражение (по-здешнему: Москворецкую битву), битву при Аустерлице, отступление Наполеона из России, а также военный парад 1901 года, происшедший в Реймсе в присутствии русского императора. Последняя композиция потребовала от ее автора (скромного отставного солдата, имевшего счастье участвовать в этом параде) создания 12 тысяч солдатских фигурок и 32 лет упорного, беззаветного труда, завершено лишь в 1944 году. Да какой же прославленный своим трудолюбием китаец может сравниться в усердии с французским отставным солдатом?

Среди прочих достопримечательностей императорского города есть также Музей экипажей, колясок и автомобилей. В общем, не одни только дворцы, аллеи и парки могут заманить сюда любознательного русского странника...

Отправившись из Компьена через знаменитый лес к юго-востоку, можно очень скоро добраться до старинного феодального замка Пьерфон (Pierrefonds) у оконечности Компьенского леса. Замок был в XIX веке усердно отреставрирован знаменитым архитектором Виоле-ле-Дюком и стал настолько «настоящим», что у иных из историков это вызывает раздражение (слишком он выглядит новеньким, с иголочки, хотя замок-то действительно настоящий и старый). Зато людям, желающим увидеть «настоящий феодальный замок», со всеми его рвами, подъемными мостами и оборонительными сооружениями, да еще стоящий близ могучего леса, — любознательным людям этим (и любознательным детям) замок, несомненно, доставит удовольствие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.